

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ОРДЕН
СВЯТОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ТРАГИФАРС

ЭКСМО

Генри Олди

**Орден Святого Бестселлера,
или Выйти в тираж**

«Автор»

2002

Олди Г. Л.

Орден Святого Бестселлера, или Выйти в тираж / Г. Л. Олди —
«Автор», 2002

Однажды Влад Снегирь, модный писатель-фантаст и легкомысленный молодой человек, узнает, что теперь он – рыцарь Ордена Святого Бестселлера. Сочтя это дурной шуткой, Влад ошибся. Потому что впереди у него были девять кругов весьма своеобразного «процесса», дружба с Серебряной Гарпией, превращение в Лучшего-из-Людей, знакомство с Книжным Червем и деловое предложение «убить героя». Роман, во многом посвященный тайнам литературного творчества, – странный, удивительный, неожиданный, насквозь пронизанный поэзией и глубоко личный «оптимистический трагифарс».

© Олди Г. Л., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Часть первая	5
I. Сонет о больном вопросе	5
II. Отсебятиня: «Лучший-из-людей»	6
III. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с перерывом на черепно-мозговое	8
IV. Отсебятиня: «Лучший-из-людей»	15
V. Хокку «На пороге старости размышляю о вечном»	17
VI. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с выходом на балкон и в чат	18
VII. Отсебятиня: «Лучший-из-людей»	26
VIII. Рубаи из цикла «Обитель скорбей»	29
IX. Дорога дальняя, казенный дом с перерывом на воспоминания	30
X. Отрывок из поэмы «Иже с ними»	42
XI. Отсебятиня: «Лучший-из-людей»	43
XII. Открытие, плавно переходящее в бар и бред	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Генри Лайон Олди Орден Святого Бестселлера, или Выйти в тираж

*Итак, пять правил писательского успеха:
первое: вы должны писать;
второе: вы должны заканчивать написанное;
третье: вы должны воздерживаться от переделки, кроме случаев,
когда на изменениях настаивает редактор;
четвертое: вы должны выйти с вашим произведением на рынок;
пятое: вы должны держать его на рынке, пока его не купят.*
*Р. Э. Хайнлайн. «Как стать фантастом» (лекция, 1973 г.,
Аннаполис)*

Часть первая Снегирь – птица гордая

*Говоря по существу: к черту фантазию, она не нужна, она не
помогает нам заглянуть дальше собственного носа, если бока ее не
вздрагивают, как у ретивого охотничьего пса.*
Карел Чапек

I. Сонет о больном вопросе (эрзац-пролог)

Я – пасынок Большой Литературы.
Ропщу ночами и не сплю с женой.
Скажите, с кем вы, мастера культуры?!
Не знаю, с кем, но только не со мной.

И критики стоят ко мне спиной —
Филологов высокие натуры
Не переносят мерзкой конъюнктуры
И брезгают столь низко павшим мной.

Иов на гноище, вечно пьяный Ной —
Таков я есмь. Микстуры мне, микстуры!
Читатель глуп. Читательницы – дуры.
Поп? Попадья? Нет, хрящичек свиной.

И все же я живуч, как лебеда.
Не мне беда, ребята. Вам – беда.

II. Отсебятина: «Лучший-из-людей»

Талантов особых за автором не числится, стилем Бог не наградил, воображения невеликого, потому и решил уж так соригинальничать, до того поразить читателя новизною, чтоб век не опомнился. Поразил. Для кого писано-то? Сдается, что специально сатирическому журналу на поживу...

Из рецензий на книги В. Снегиря

Боже, как мне надоела эта гнусная каморка в храме Тетушки Кривой на окраине Ла-Ланга! Паутина, хлопья пыли, запах плесени и фруктов, мирно сгнивших за стенами, тяжкий аромат сандала – от курений даже стены, даже камень ноздреватый пропитала злая сладость, мать ее и перемать...

Будучи раздражен или волнуясь, я всегда начинаю мыслить белым хореем. Компенсаторная функция психики вместо банальщины «лексического ненормата». Дактиль для сугреву, амфибрахий – дом казенный, дорога дальняя, анапестом я похмеляюсь, а если после пятой-шестой стопки кубарем скатываюсь в ямб («ямбец», как шутила Настя до развода), то однозначно – скоро дам кому-то в морду. К счастью, под рукой нет ни подходящей морды, ни поводов для ямба. Под рукой, под ногой, я озябший и нагой...

Честно говоря, под рукой вообще ничего нет, кроме холщовых портков с безрукавкой, которые я мрачно натягиваю на вопиющий от сквозняков организм. Присаживаюсь на сундук с храмовой утварью. Острый угол крышки – резьба по кипарису: Старец-Облако злобствует на упившихся Вержегромцев – врезается в ягодицу. Сижу, брюзжу. Без особого энтузиазма: могло быть хуже. И было. Думаю, редкому демиургу вульгарис довелось приложить столь титанические усилия, дабы обзавестись каморкой, вся ценность каковой – укромность. Возжелав *натворить* сей шедевр зодчества, я долго чесал в затылке и вычесал нашествие диких бендулов, захлебнувшееся в конце Эры Удручения под дубиной партизанской войны и мощью военного гения Виджай-Ниграма Лопоухого, прозванного злопыхателями Слоном. Мучаясь страхом, что бендулы разграбят и без того нищий храм, тогдашний настоятель – рехнувшийся на почве аскезы скопец-извращенец – велел отвести угол за алтарем Кривой Тетушки под тайник, спрятал там часть пожертвований, утварь и одежду, после чего отравил строителей пылью шмель-бобов, во избежание... Сам же над трупами сублимировал муки совести, поднял их в мозжечок по каналу Дуй-Для и удалился во Свояси, завершив цепь рождений.

Как ни странно, идея прижилась, пролог «Лучшего-из-Людей» схавал и благополучно переварил нововведения, отторгнув лишь муки совести (видимо, за недостоверностью...), а я наконец смог прекратить свои явления народу голышом. Заодно сделав храм заброшенным, посещаемым лишь редкими неудачниками, рискнувшими воззвать к Кривой Тетушке, – для пущей надежности.

Короче, спи спокойно, дорогой товарищ.

Прихватив на память ларчик из посеребренного олова, трогаю спусковой камень. Умели строить покойнички! Сперва в глухой стене образуется еле заметная щель, позволяя осмотреть молельню. Если торчат посетители, надо снова тронуть спуск – и в тишине каморки дожидаться ухода незваных гостей. Мне везет: перед алтарем никого нет. Снаружи течет сырой кисель рассвета, вымазывая известкой деревянные колонны портика. Щель расширяется, приглашая окунуться в прохладу утра. Следовало бы, конечно, натворить какую-нибудь шубейку, но сразу не подумал, а теперь поздно. Хорошо хоть климат в Ла-Ланге теплый. Даже жаркий.

Это я молодец, без ложной скромности.

Когда иду через сад, собаки уже ждут. Здоровенный барбос Чудик-Юдик с достоинством метит территорию, задрав косматую лапу. Между прочим, черный терьер, «собака Ста-

лина». За вожаком, разлегшись на травке, сладко зевают два министра: кусачий чау-чау Брыль и шарпей Мордач 1-й. Дальше – верноподданные шавки. Борзые, сеттеры, ризеншнауцеры, левретки, пекинесы, бульдоги... Что показательно, ни одной дворняги. Дворняг, приносящих в дом счастье на пять поколений, в Ла-Ланге можно купить лишь за сотню казенных башликов, и выгнать сокровище на улицу не решится самый закоренелый кинофоб. Ибо месть богов неотвратима. Помнится, я страшно гордился выдумкой. Дела давно минувших дней... Троица лидеров с достоинством ждет ритуала дружбы. Лобызанье с Чудиком-Юдиком, шутейная свалка с Брылькой, а шарпею надо будет натянуть на голову всю шкуру с задницы. Мордач это любит. Еще в первую встречу, разорвав добычу вдребезги, но не сумев отобедать по причине «пшика» (о «пшике» позже...), псины прониклись ко мне гигантским уважением. Оставив в дальнейшем любые попытки насилия.

– Ух вы мои... зубастые, злющие...

Все. Можно идти дальше.

У меня в наличии уйма планов. Обменять ларчик на обед в харчме старого Хун-Хуза, ущипнуть за грудь пышку-служаночку, послушать сплетни. В разговоры не вступать: к тихим бродягам здесь относятся равнодушно, это выяснилось еще с первого визита к Хун-Хузу. Выпить манговой фьюшки. Лучше светлой, она кислее. Почуввав приближение «пшика», слинять обратно в храм. Или хотя бы выйти из харчмы. Я столь явственно представляю будущие действия, что кажется, будто они уже в прошлом.

Шаткий мостик через Грязнуху.

Пятеро людей сидят на корточках возле шалаша курьих пастухов. По углам пентаграммы, начерченной палкой прямо на земле. Бояться, в сущности, нечего, но ноги каменеют, а на лбу выступает испарина. Взятки с меня гладки, убивать не за что, да и бесперспективно оно – убивать меня, беднягу, тихо шедшего куда-то... Липкий ужас, ты откуда? Страх, скажи: откуда взялся? Почему я робко прячу тело жирное в кустарник, где колючек много больше, чем желал бы обнаружить?! Я от белого хорea заикаюсь и дурею, в панике, объявшей душу, я смотрю исподтишка – пять недвижных, пять спокойных, пять в широкополых шляпах, пять в плащах без капюшонов. Словно пятерня ладони перед сжатием в кулак.

– Вот она!

И в мертвой хватке, тихо взявшись ниоткуда – закричав, забившись! – тело, ослепляя белизной...

III. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с перерывом на черепно-мозговое

Мне кажется, Влад Снегирь прекратил творчество и начал зарабатывать денег. Если его ранние книги создают настоящий театр, с вешалкой, подмостками и актерами, то последние тексты... Да, есть вешалка, подмостки и актеры, но театр – кукольный. Сложил, сунул в карман, пошел дальше. С каждой книгой – все хуже. Причину можно изложить очень коротко: эксплуатация одного набора психологических профилей персонажей и одного стиля.

Из отзывов читателей

Сдох, скис, исписался!

Кураж, где ты?! – не говоря о таланте, которого у меня, видать, сроду не водилось. Кураж, тираж...

Мираж.

Работа стояла насмерть, как ополченцы на стенах осажденной Дангопеи. Надо было брать город штурмом, учинять резню в переулках и, после дозы подвигов, – гнать наивного лопуха Бут-Бутана, Куриного Льва, дальше, за Канборнский хребет, в поисках расчлененки Лучшего-из-Людей. Особых препятствий вроде бы не предвиделось. В смысле, у меня, любимого не предвиделось. Зато героям звезды обещали кузькину мать по полной программе. В плане черным по белому: засада горных гульденов, чернокожий маг-психопат – адепт секты Насильственного Милосердия, Ущелье Безнадежно-Входящих (непрененно с заглавных букв, назло надменному эстету!)... Бери перо, ваяй нетленку. А тут, нате-здрасте, приступ творческой импотенции. Битвы-байты-килобайты, весь этот квест задрипанный вдруг опостылел до тошноты: фальшь, чушь, высосано из оттопыренного пальца. Мир гнилой, персонажи – картон Жидачевского комбината...

И я, автор, кумир молодежи – шабашник-графоман.

Прошу не любить и не жаловать.

Душно, братцы. Скучно. Яду мне, яду!.. Сдохни герои от чумки – по барабану. В расстроенных чувствах, с горя-облома, сунулся в сеть. Выкачал почту: фигня. Маета и томление духа. «Дарагой Влад пеши больше я от тебя балдю. Твой фан Godzilla». Куча спама. Ага, повторное приглашение на конвент. Оргкомитет? – нет, от издателя. Чего волнуешься, барин? Неужто я, «дарагой Влад», такое «большое ЦЭБэ»?! Приеду, кормилец, приеду, и водочки с тобой выпью, и бумажечки подпишу, бумажечки, бумажечки... Не уведомили тебя, болезного? Исстрадался весь?! Хорошо, лови персональную цидулу: так, и так, и растак, буду. С благодарностью за хлопоты. С уважением. С наилучшими пожеланиями. И подпись: Влад Снегирь.

Уехало.

По форумам лазить раздумал – при моем теперешнем сплине от ихнего бардака одно расстройство желудка. Возьмут слово «жопа», хохмачи виртуальные, повторят раз триста и сообщают: «Интегральные характеристики предложенного текста позволяют утверждать, что автором отрывка с вероятностью 62 % является Влад Снегирь...» Это, значит, тонкая шутка. Пиршество интеллекта. Короче, закрыл окно «Netscape», чтоб не дуло. Тупо воззрился на последний абзац текста, видя отчетливый кукиш с маком. Слушайте, а кто придумал это мерзкое слово: «абзац»?! Небось мизантроп и параноик, убийца тараканов. Ладно, долой рефлексию и ура творчеству. Итак:

«Град стрел ливнем обрушился на северные башни. Казалось, сам камень древнего города взвыл от боли. Но мужество защитников было крепче камня: пекари, сукновалы,

дубильщики и ювелиры, – вооруженные кое-как, наспех, неумелые, но яростные, дангопейцы держали борону...»

Подумал.

Исправил «борону» на «оборону». Поржал над «град – ливнем».

И грохнул всю эту чепуху на фиг.

Лечь, что ли, вздремнуть? И видеть сны, быть может? Боже, как мне надоела эта тесная каморка!.. Перетрудился, инженер душ? Вместо штурма и квеста, столь возлюбленных мудрым фаном Godzilla, вместо верного куса хлеба, – о чем изволите грезить? О храме Кривой Тетушки? О вшивом городишке Ла-Ланг, который твои герои благополучно покинули еще в первой части романа? Трехскатные крыши, покрытые дубленой кожей местных арбузов, Чудик-Юдик со стаей, пентаграмма из людей в плащах... Загадочная штука – наше подсознание. А мое подсознание и вовсе тайна великая. Ну, сны. Чудеса мозговой грыжи. Ура, я сбрендил! Плевать на штурм Дангопеи! – желаю странного. Тишина, оскомины манговой фьюшки, тайник за алтарем, настроение вместо действия, белый-белый хорей... Я-то, может, и желаю, а Его Величество Сюжет быком прет в Дангопею, под град стрел, который ливнем, и с бороной наперевес!

...Стоп, машина!

А кто, собственно, сказал, что герои непременно должны идти куда подальше? Я сказал?! Так я личность творческая, непредсказуемая. Пускай Бут-Бутан найдет левую ногу или печеньку Лучшего-из-Людей не в замке рыцарей Круглого Ствола, а в родимом Ла-Ланге! Опять же блестящий поворот: когда герои одолели три четверти пути, развернуть их и пинками погнать обратно! «Оригинально-с!» © поручик Ржевский. Нужна лишь веская причина, дабы обратить квестунов вспять: знамение, пророчество, глас из колодца: «Я, великий бог Ахура-Вольво, истинно реку вам...»

Телефон, тварь голосистая, заорал как раз поперек вдохновенья.

– Ой, Вова! Ой! Ой, горечко-то!

– Доброе утро, Анна Ильинична.

Это надолго. Все время забываю, кем мне приходится свекровь родной сестры. Седьмая вода на киселе? Кладу трубку на стол: Анна Ильинична – мастер монолога. Поддакивать необязательно, она сама справится. Небось молоко сбежало, а Танька на работе, а Эсфирь Остаповна говорит, что СПИД – чума на оба ихних дома, и скоро квартплата подорожает, потому как террористы, и все депутаты – обман зрения...

– Ой, бурулька! Здорова така бурулька!.. Вовочка, ты чуешь? Аж сердце захолонуло! Я валокордину накапала...

Похоже, малой кровью не отделаюсь.

– Ну, вызовите «Скорую», если сердце!

– Та уже ж! «Скорая» Танечку и забрала...

– М-мать! Нет, это я не вам... Что с Танькой?!

– Та кажу ж: бурулька! Як ляпнулась, гадюка... Ой, божечки! А Костик, шоб он сказывся, на конхверенции, а Ладочка бухыкает, лобик горяченький, я выйти не могу...

– Куда увезли? В неотложку?!

– Ой, Вовочка! Ой...

Это она права. Таки ой.

* * *

Выметаясь к пастбищу такси, я опасливо косился на чудовищные фаллосы изо льда – крыши и карнизы были сплошь усеяны этими подарочками февраля. Черт побери, а почему

они в Москве – сосульки, а у нас – бурульки? Потому что в Москве их сосут, а у нас ими бурят? Бурвят?! Бурулят?! Особенно если этажа с шестого забурулит...

– К неотложке, шеф!

– Поехали. «Маячок»! Я 35–16! Везу клиента в неотложку!

– Счастливого пути вам и пассажирам!

Всю дорогу я был благодарен «Маячку» за ласку.

Жирную гиппопотамшу в гардеробе больницы угнетала лень. Встать лень, куртку мою на крючок вешать лень, номерок выдавать... Ее ожидал раскрытый на середине супер-пупер-бестселлер. «Купе?...» – я присмотрелся. Нет, хуже. «Купель Купидона-2», серия «Мини-шарм»: на обложке раскинулась томная от недосыпа дива, сплошь объята знойным мачо. На правой руке у мачо было шесть пальцев. Знакомые шуточки: Сева Ермаш, мой приятель-художник, замучившись с доставучим худредом, дождался приема работ и выхода книги в свет, сунул худреду в нос свежий, пахнувший краской экземпляр: «Считай!» «Что считай?!» – изумился худред. «Пальцы!» И когда худред обнаружил у всех персонажей на всех утвержденных им иллюстрациях по шесть пальцев, Сева сладострастно возопил: «Вот! Вот!!! Твое, козел, дело: не меня живописи учить, а пальцы заранее считать!»

Гулко возвратясь, гиппопотамша швырнула номерок на стойку, как собаке кость, – и с разбегу нырнула обратно в «Купель».

Аж брызги до потолка.

Где у них тут журнал приема? Тощенькая бабуся на санпропускнике шуршит страницами: в семь сорок утра... Татьяна Беглова... черепно-мозговое, палата № 6...

Символичность номера угнетает.

Но недолго.

Наглость – второе счастье. Свернув за угол, быстро облачаюсь в белый халат – память о проказах юности. Еще учась на третьем курсе бурсы, бегал сюда проводить душеньку-медичку, маскируясь под белую и пушистую ниндзю-черепашку. Тут главное: спецодежду нацепил, морду кирпичом – и вперед, «с лица необщим выраженьем». Верней, с общим. Тогда примут за медбрата. Что ж, Влад Снегирь, умов властитель, трянем стариной? Сейчас, пожалуй, и за врача сойду. У вас, больной, гангрена левого полушария! Клабочка, запишите: гильотина, УВЧ и пассировать в масле до появления золотистой корочки!..

Так, второй этаж, черепно-мозговое отделение. Матовая стеклянная дверь. Сбоку от входа грозитя сакраментальное «Посторонним В.». Минздрав предупреждал: вторжение опасно для нашего здоровья. Плевать! Все его не замечали, а проворный Белый Ниндзя резво шел по коридору. Морщась, воздухом дышал он: пахнет супом, пахнет хлоркой, страхом, потом... Ненавижу эти запахи больницы! До сих пор я удивляюсь: как больные люди могут оживать в миазмах?..

Это у меня нервное. Волнуюсь я за Таньку. До чертиков волнуюсь. До зубной боли. Вот и веселю сам себя, подзуживаю, строю карточный домик шуточек: несмешно, глупо, а помогает.

Давно проверил: помогает.

Все лучше, чем ныть.

– Простите, доктор, а Генрих Константинович сегодня со скольких?

– Генриха Константиновича не будет от стольких до воскресенья. Он улетел в Буркина-Фасо, на симпозиум трепанологов. Но обещал вернуться. Милый, милый...

Тетка в мятой пижаме моргает коровьими ресницами.

Белый Ниндзя удаляется.

Вот и палата номер шесть. Осторожно приоткрываю дверь на два пальца. Воображение со злорадством садиста рисует: бинты, кровь на виске, всхлипы товаров по несчастью. Бесчувственное тело трогательно свернулось калачиком под простыней. На простыне – казенный

штамп. Синий-синий, будто гематома. Танька, бедолага, младше меня на десять лет и все норовила догнать: рано замуж выскочила, рано Ладочку родила...

– ...нет, чувихи, прикидываете?! Без машинки, без оверлока, двое суток как проклятая!..

Меня накрывает звуковая волна. Знакомая с отрочества. Вот она, сестрица моя, бурулькой ушибленная, – на койке у окна. Тараторит без умолку. А свекровь рыдала: помирает, уши просит... Ага, разбежались!

Решительно вторгаюсь в палату.

– Привет, Танюха! Как жизнь молодая? Были б мозги, было б сотрясение?!

– Вовка! Привет! Вечно ты со своими приколами... У тебя часы есть? Сколько времени?!

Гляжу на циферблат.

– Без четверти час. Дня, – уточняю зачем-то.

– Ну, чувихи! Ну, даю! Четыре часа в бессознанке! А кажется, будто пару суток. Ой, Вовик, мне такие чудеса привиделись! Не поверишь! Я уже девочкам рассказала, а они смеются...

Окидываю взглядом контингент. Три остальные койки оккупировали дамы-мамамы, из которых «девочкой» можно назвать лишь одну. С большого бодуна.

– Вовик, зараза! – Танька обижена невниманием родного брата к ее чудесам. – Ты слушаешь или где?! Выхожу из подъезда, сворачиваю к «Лампе Аладдина» (секонд-хэнд новый, на вашем углу...), и тут рядом – бомба! Ба-бах! Я с копыт, глядь: а меня уже волокут куда-то. Голую! Я визжать, а им хоть бы хны! Пять чучмеков, блин! Ну, думаю, хорошо, если изнасилуют, а если напугают?! Улицы кривые, халупы, вонища... Ноги по дороге сбила, босиком-то. А они, гаденыши, меня продали. Как рабыню Изауру. Прикинул?! И я два дня, дура душой, галуны к мундирам пришивала. Тупой иглой. Все пальцы себе исколола... А эти смеются! Чувихи, вас бы туда...

Татьяна гордо вздергивает нос. Еще бы, наши глюки – не для скуки!

– Рабовладельцы хреновы! Прикинул, Вовик?! Четыре часа без чувств, и то отдохнуть не дали. Гады!

«Девочки» откровенно ржут басом.

– Что врач говорит? – Я стараюсь придать лицу озабоченное выражение, хотя Танька явно живее всех живых.

Отставная рабыня машет рукой с ужасающим легкомыслием:

– А ничего не говорит! Пусть только явится, коновал! Я ему... Нашел больную! Небось Жорик, – это ее шеф-цеховик, лицо кавказской ориентации, злой черкес и вождь делаваров, – матом кроет: нам сегодня партию «алясок» сдавать. Костя уехал, у Ладочки ОРЗ, свекруха, коза старая, с ней сидит... Некогда мне разлеживаться!

– Остынь, Танюха. Полежи до завтра, расслабься. Мало ли... Не сдохнет твой Жорик с «алясками»! Я Анне Ильиничне позвоню, скажу: пусть в ателье сообщит.

– Что вы здесь делаете? Кто вас сюда пустил? Больную нельзя беспокоить, у нее предполагается сотрясение мозга! Немедленно покиньте палату!

Ага, мою Таньку побеспокоишь! Она сама кого угодно побеспокоит...

Усатый айболит тянет меня за хлястик:

– Я кому говорю?!

– Прошу прощения... – Чуть не ляпнул: «Прощения просим, благородный дон!» – Я брат... э-э-э... сотрясенной. Мне позвонили, я сразу примчался...

Усы айболита теряют воинственность.

– Тем не менее я все же попрошу вас покинуть палату.

– Да-да, конечно. Пока, Таня. Выздоровливай!

«Сестрица Аленушка» театрально охает, притворяясь мученицей. За что и любим стрекозу.

- Простите, вы ее лечащий врач?
- Да.
- Как вас зовут?
- Генрих Константинович.
- Генрих Константинович, можно вас буквально на пару минут? Вы понимаете, у нее в детстве была травма головы...

За дверью палаты, угорев от смеха, хрюкают «девочки».

* * *

Анне Ильиничне я позвонил с мобильного, прямо из такси. Чудо-заклинание «Я с сотового!» действует на Танькину свекровь безотказно. Слово «сотовый» ассоциируется у нее со словом «мед», тот, в свою очередь, тянет за собой «рынок» и «драть три шкуры», а дальше цепочка достраивается до «оплата разговора». Такие ассоциации Анна Ильинична уважает. Местами даже благоговеет. Посему отделался я от говорливой свекрухи быстро. Утешил, ободрил и откланялся.

- Приехали, шеф.

Хлопнув дверцей, выхожу в туман, мутный, как буряковый самогон.

У подъезда топталась «сладкая парочка»: знаменитый меж гражданами бомж Горец и его закадычный дружбан, спившийся котельщик Федор Михалыч. На вид – два сапога, одинаковых с лица. «Я, красавица, не сексуальный маньяк, а алкаш-собеседник!» Но если котельщик ничем, кроме имени-отчества, примечателен не был, то Горец свое прозвище оправдывал со старательностью идиота. Однажды его пустили погреться на сеанс в видеозал («точку» все равно на днях закрывали за неуплату аренды), и фильм с Кристофером Ламбертом потряс беднягу до основания. Бомж уверовал и проникся, при каждом удобном случае пересказывая сюжет всем желающим. Вплоть до собак и кошек. В его пересказе средненький «голливуд» делался эпосом древности: там царил гений, парадоксов друг. Особенно мне запомнился взрыв АТС, когда в бессмертного Ламберта, наполняя энергией, вместо молний лупили обрывки чужих разговоров. Я прям-таки обзавидовался фантазии Горца. Также бомж полюбил орать по поводу и без: «Остаться должен только один!» Здесь крылся тайный смысл, ибо неуязвимость бомжа была под стать его кинокумиру. Дважды горел в им же устроенных пожарах, попадал под грузовик-мусоросборник, огребал тяжелыми предметами по голове, страдал в зубах ротвейлеров с питбулями, травился дустом и крысиным ядом, на спор залпом выпил бутылку метанола... И всякий раз не просто оставался жив: несокрушимость его здоровья вошла в список легенд нашего района. Даже участковый Поросюк, редкой души мент, при встрече с бомжем ласково ронял: «Когда ж ты сдохнешь, падлюка?»

«Падлюка» безнадежно икала, разводя руками.

– Ы-ы-ы, Володя... – сиплю поздоровался Горец, с тоской взирая на новенький кодовый замок. Плети дикого винограда, черные и сухие зимой, свисали с балконов, их вид погружал душу в пучину меланхолии. Ощувив приступ милосердия, я ткнул в нужные цифирки. Замок ответил за распальцовку, щелкнув затвором трехлинейки.

Люмпен-приятели мигом просочились следом, в теплое нутро подъезда.

– Мы тово... погреться. Зябко там, Володя. Мы ж, значит, культурно. Если чево, и налить можем...

Интересное предложение. А что? С кем вы, мастера культуры? Надо быть ближе к народу. Сесть на грязную ступеньку, тяпнуть из горла «ряженки», занюхать хлебцем из мусорки. Красота!

- Спешу, Горец. В другой раз.

– А... ну, спешу, быстрее жизнь минет...

Хрен с ними. Пусть греются. Лишь бы в подъезде не гадили. Хотя нет, Горец – аккуратист. Блевать непременно во двор уползал, в любом состоянии.

Запирая за собой дверь квартиры, слышу умиротворенно-риторическое:

– Стаканы взял?

– Обижаешь! Эти... одноразы...

А я, наивный, – «из горла»! Аристократический нынче бомж пошел. Рост благосостояния масс. Бокал «Губернаторской», ломтик сосиски, полуденная сиеста в гранд-подъезде... Аж завидки берут. Лечь, что ли, самому? Придавить часок-другой? Подскочил сегодня ни свет ни заря, от зевоты в такси чуть челюсть не вывихнул...

Разумеется, телефон сразу откликнулся на эту идею гнусным мявом. Словно на шнур ему, гаду, наступили. Межгород, однако.

– Алло!

– Владимир Сергеевич?

– Да, я слушаю.

– Здравствуйте, дорогой! Это вас беспокоят из «Аксель-Принт». Заместитель главного редактора по особым вопросам.

Судорожно пытаюсь вспомнить, как зовут моего собеседника. Я-то в издательстве большей частью с завредом по фантастике общаюсь. Нормальный парень, мы с ним давно на «ты», безо всяких «Сергеевичей».

– Здасьте... Простите, не помню...

Он словно чует мои судороги:

– Зовите меня просто: Антип Венецианович! Вы слышите?

– Слышу, конечно!

– Владимир Сергеевич, дорогой, вы на «МакроНомиКон» собираетесь?

– Да, конечно. Я вам утром ответ по Интернету послал.

– Ну, сами знаете: почта – дело ненадежное! Я хотел лично убедиться...

Откуда такое внимание к моей скромной персоне? Премию решили на конвенте вручить? Ага, Нобелевскую! Раскатал губы!

– Знаете, нам нужно будет подписать бумаги. Ведомости по январским выплатам, контракты на допечатки... Дорогой мой, вы в курсе, что доптираж «Имперцев» стоит концом марта?

Далось ему это – «дорогой»! Пусть я и впрямь недешевый, но так вот грубо намекать, в лоб...

– Да, в курсе. Спасибо, Антип... э-э-э... Венецианович.

– Чудненько! Вот и оформим на «МакроНомиКоне». Так вы точно будете?

Банный ты лист, зам по особым!

– Точно! Уже билеты купил.

– Я и говорю: чудненько! А как ваш новый роман продвигается?

– Нормально.

– Ни дня без строчки?

– Ага... Ни дня.

– Весной закончите? Хотя бы к маю месяцу?! Тут читатели весь сайт письмами завалили. Торопят. И дилеры боятся в летний спад угодить. А так мы сентябрем и тиснем, на подъемчике! Значит, май? Или апрель?

– Ну-у... не знаю. Боюсь загадывать.

– Может, имеет смысл заключить авансовый договор?

– Не имеет. Понимаете, Антип Венецианович...

– Да-да, я понимаю!

Понимаешь – тогда зачем спрашиваешь? Не шибко я принципиален меж собратьев по перу (верней, по клавиатуре), но бумаг на будущие тексты не подписываю. Обжегся однажды. На заре карьеры подмахнул договорчик на только-только начатый романец. Очень уж по читателю тосковал. И бабок срубить хотелось. Срубил, мать его за подол: текст уперся рогом, забуксовал, сроки поджимали, издатель торопил, – я в итоге финал кукишем скрутил, а книга в свет так и не вышла: издательство обанкротилось. С тех пор зарекся. Между прочим, в «Аксель-Принте» о моем суеверии прекрасно известно. Или он надеется, что все-таки передумаю?

– Да, еще одно дельце. Помните, у вас в девяносто первом выходила повесть в сборнике «Тиран Нозавр»?

– Помню.

– Первая серьезная публикация?

– Дебют.

– Какой там был тираж, не подскажите?

– Сейчас.

Иду к полке, извлекаю пухлый томик. Клыкастый рептилоид ехидно скалится с обложки: «Гюльчатай, открой личико!», холст, масло. Сливочное.

Лезу в выходные данные.

– Первый завод – 55 000.

– А второго не было?

– Насколько я знаю, нет. Издатель потом на ужасы с «Икс-ножками» переключился.

– Ясно. – Зам по особым излучает оптимизм. Бодрый бас плещет в трубке, обдавая ухо брызгами. – А как жизнь? Ну, вообще?

– Вообще? Ноу проблемз!

Бас набирает обертоны:

– Депрессия, бессонница? Кошмары?!

Уп-с! Что за гнусные намеки?!

– Жизнь прекрасна и удивительна. – Я беру мощную, качаловскую паузу. Насладившись, добавляю: – Удивительной жизнь становится в тот миг, когда перестает быть прекрасной. Короче, мне пока удивляться нечему. А роман пришлю по сети, как закончу.

– Рад, дорогой вы мой человечиче! Душевно рад! А то, знаете, писатели – народ тонкий, нервный... Увидимся на конвенте. Всех благ!

– До свидания.

Оригинальный разговор. Ну и тип этот Антип! Впору срочно завести дневник и записать гусиным пером: «Звонили из издательства. Хотели странного». Хотя в нашей стране победившего сюрреализма и не такое случается! Не забыть бы вещи в дорогу собрать: в среду – поезд.

Диван принимает блудного свина в теплые объятия.

Баю-баюшки-баю, чего вижу, то пою...

IV. Отсебятина: «Лучший-из-людей»

Недостойный мерзавец, портящий вашу гостевую книгу, прочел месяца три назад ваш роман «Рабы страха». Разум и нежелание пачкаться сдерживали меня все это время, но, случайно перечитав в шестой раз данное произведение, я решаю плюнуть на потерю части самоуважения и прямо говорю вам, что, по моему необоснованному тупому быдлярскому мнению, эта книга – дерьмо.

Из писем в гостевую книгу В. Снегиря

А вот днем мне Ла-Ланг еще не снился.

В смысле – во время дневного сна.

Говорят, творческие люди должны много спать. Восстанавливая энергию, нервные клетки и жировые запасы, сожженные в топке вдохновения. Еще в сортир надо чаще ходить. Очень способствует. Когда не требует поэта к священной жертве Аполлон, в покой священный туалета он беззаботно погружен...

Портки с безрукавкой оказались на месте. В прошлый раз я, будучи испуган увиденным произволом, бегом вернулся в каморку, где и проторчал до «пшика». А застань меня «пшик» в исходной точке, – потом я нахожу имущество здесь, под рукой. Портки, например. Ларчик: нет, не бросил, приволок обратно. Молодец я. Жадина-говядина. Хотя и *натворил* себе этого добра с запасом, на всякий пожарный. Думаю, такие закономерности сна есть результат моих регулярных медитаций над коаном «Бытие определяет сознание». «Хлопок одной ладонью» перед сим шедевром дзена – что плотник супротив столяра. Поди раскумекай, кто же кого все-таки определяет. И куда.

Я помню, что я знаю, что мне снится то, что помню и знаю, а знаю я до хрена и больше. Закон Снегиря.

Одевшись, трогаю спусковой камень. В смотровой щели вспыхивает язычок света. Черт, кого там принесло?! Моргаю, всматриваюсь. Снаружи ночь. Глухая и слепая калека-ночь. Пара факелов немилосердно чадит, освещая дальнюю часть молельни, ближе к внешнему портику. Там, собравшись кучкой, ждут какие-то люди. Без движения, без слов, без молитв и прошений. Кривая Тетушка из-за алтаря хмуро глядит на этих истуканов. Не нравятся они Кривой Тетушке, подательнице случайной удачи. Мне, надо заметить, они тоже не нравятся. Кошмары вообще редко нравятся. Мысленно произведя этимологию слова «факел» от «fuck you all», отчего нервы слегка успокаиваются, продолжаю смотреть.

Глаза слезятся, как от дозы атропина.

... пять недвижных, пять спокойных, пять в широкополых шляпах...

Старые знакомые.

– Пора бы... Нежный Червь сказал: сразу после шестого гонга. – Оказывается, они умеют говорить. – А уже полседьмого. Меня старуха убьет.

– А когда ты в дом монеты приносишь, она тебя не убивает? Потерпит твоя старуха. Ей небось сосед терпеть пособляет.

– Тихо вы...

На этот раз я успеваю отчетливо засечь миг поимки. С вульгарным чавканьем в пентаграмме, образованной ждущими *хватами* (словечко найдено, и мне сразу легчает...), возникает голый дядька. Он очумело брыкается, когда хваты бросаются крутить ему руки. Дядька зело тощ, худосочен, бороться с насилием явно не обучен и лишь вопит на всю молельню:

– Менты! Менты позорные! Остаться должен только один!

Батюшки! Это ж Горец...

– Даешь демократию! Свободу узнику режима!

- Барсак! Угомони Отщепенца!
- Всего один стакан! Только один!!!
- Барсак!

В восторге от сна, искренне люблюсь, как хваты суют Горцу в пасть кляп. Вяжут руки, дают для острастки кулаком по хребту. Голый бомж скисает – мычит баритональным фальцетом, ежится, заискивая перед грубой силой.

Еле сдерживаюсь, чтоб не выскочить с советом. Дали б ему фьюшки хлебнуть, Горец бы за ними на карачках побежал. Хоть на край света.

- М-м-м... н-н-ты-ы-ыы!..
- Пошел! Иди, кому сказано!

Шаг, другой. Костлявый хребет бомжа вдруг начинает дребезжать, издавая мерзкий визг бормашины. Занимается огнем, словно от факела. Пламя – странное, белесое – мигом распространяется дальше, охватывая ягодицы, плечи. Горец вспыхивает бенгальской свечой, брызжет искрами...

Исчезает.

Оставив хватов в недоумении.

- А Нежный Червь брехал: до следующего вечера не пшикнет...
- Кто брехал? Нежный Червь?! Сам ты брехун!
- Но ведь пшикнул...
- Нафири-су ругаться станет. Он жертву для Дождевания заказывал...
- Ага... задаток дал...

«Пшик» настиг меня внезапно. Я едва успел захлопнуть смотровую щель и рухнуть на любимый сундучок. Старец-Облако злорадно впился в зад мой острым краем: надо будет выбрать время, *натворить* себе напильник (по возможности дровечный) и сточить у Старца зубы...

V. Хокку «На пороге старости размышляю о вечном»

Есть некий тайный смысл,
Невыразимый словом,
У чтения в сортире.

VI. Ул. Героев Чукотки, 26, кв. 31, с выходом на балкон и в чат

У всех этих «фэнтезийщиков» проблем с русским языком не возникает – в литературе такого свойства он удивительно однообразен и бесцветен, это, фигурально выражаясь, язык для бедных. Отношение «массолита» к языку везде и всегда прагматически-функциональное, поэтому беллетристическое слово является носителем смысла, но не самим смыслом, не реальностью мистического порядка. Впрочем, «Влад Снегирь», «Н. Маржесцкий», «Лидия Березка» – это вовсе не имена писателей, а торговые марки, потому и место им в одном ряду со «Smirnoff», «Adidas», «Pepsi» и «Татрах»...

Из статьи «О скрытых функциях языка»

- Убился! Насмерть убился! Ой, божечки!..
- Убился – то ладно. Давно пора. Стекло разбил, вражина...
- Теперь дуть будет...
- Милицию вызывайте!
- «Скорую»!..
- И пожарную!
- Пацаны! Щас пожарники приедут! Айда смотреть!
- Гав! Гав! Ва-а-аууу!
- Дик, фу! Вечно ты всякую гадость...

На вопросы типа: «Самый умный, да?» и особенно: «Тебе что, больше всех надо?!» – я с детства любил отвечать утвердительно, огребая по шее за дурное любопытство. Наука не пошла впрок: каким я был, таким остался. Вот и сейчас спросонья бреду на балкон. Спасибо оттепели и моей лени: все собирался заклеить от сквозняков, да как-то...

Внизу, у подъезда – вавилонское столпотворение. Лаает спаниель Дик, галдит пацанва, охают старушки – божьи одуванчики. Близ цистерны с минеральной водой народ машет канистрами, но отходить боится – очередь. Свалишь на минутку, а потом начнется: «Вы здесь не стояли! Клава, подтверди!» Ремонтных дел мастера из соседнего дома гурьбой вывалили на внеплановый перекур.

Люди при деле: участвуют.

Открываю створки окна. Высовываюсь по пояс. Холодно, но возвращаться за курткой лень. Шагах в четырех от двери подъезда, в эпицентре волнения народного, расплескав лужу, засыпан осколками стекла...

Ясно.

Бедолага Горец в очередной раз решил оправдать прозвище. С какого же этажа ты выпал, красавец? Поклонник Ламберта ворочается, делает попытку встать, но остается на четвереньках. Спаниель, струной натянув поводок, лижет ему щетинистый подбородок. У собаки праздник, именины сердца: гулька хвоста сейчас оторвется от восторга.

Тетя Вава, знатная сплетница-многостаночница, ахает в голос:

– Живой! Живой, ракло!

– Вавка, дай рупь! – уверенно подтверждает теткину догадку Горец. – Остаться должен только один!

Кажется, он снова готов к подвигам на ниве беспробудного алкоголизма.

– Ну, значит... значит, все путем!.. – бормочет котельщик, топчась рядом с пострадавшим. – Он нечаянно! Ну, Горец, ну, подлюга...

Окно подъезда на четвертом этаже вынесено напрочь. Топорщатся свежей щепой обломки рамы.

– Он, значит... выйти хотел. – Котельщик горой стоит за друга. – Облегчиться...

Горец соглашается, кивая на манер китайского болванчика:

– Шишел-мышел, на хрен вышел!

Был бы трезвый – ей-богу, убился бы. Хотя тоже не факт.

– А вы это... Чево это вы?!

Бомж возводит очи горе, сетуя на человечество, – и видит меня. Тычу пальцем в выбитое окно. Через минуту он наконец соображает глянуть в указанном направлении. Долго смотрит. Очень долго. Словно эстет на Мону Лизу в подлиннике. После чего хитрым акробатическим зигзагом бухается на колени.

– Простите, люди! Люди! Виноваты мы с Михальчем, кругом виноваты! Починим! Век пива не видать!

– Только стекло у нас, значит... – спешит вмешаться практичный котельщик. – Нет у нас стекла. Ежели стекла, мы запросто...

– Запросто! – истово кланяется Горец.

Управдом Кликуша, Степан Макарович, ранее мрачно наблюдавший за сценой публичного покаяния, обводит взглядом жильцов:

– Я уже посчитал: по трюльнику с квартиры выходит. Все равно чинить надо: зима... А за этими гавриками я лично прослежу. Ежели филонить станут...

Кулак у Кликуши – зрелище не для слабонервных.

– В лучшем виде! Остаться должен только один! – преданно кивает Горец.

Надо будет трешку Кликуше отдать. Прямо сейчас накину куртку, спущусь и отдам. Иначе забуду. Почему я не спешу уйти с балкона, если самое интересное уже закончилось и продолжились будни? Стою, смотрю, ежась от холода.

О чем думаешь, Снегирь?!

Я никогда не напишу про них. Мещане, обыватели, бытовка, февральский переулок, лай собак (лохматый Тузик гадит у подъезда, и бабушка Анята впопыхах уводит пса: не приведи господь, увидит отставной майор Трофимов – не оберешься криков, а убрать за Тузиком радикулит мешает...); мне не сумеет увидеть эту жизнь, как ночью может видеть сны слепец, как дети видят небо, – всякий раз по-новому, в восторге, с интересом к трамваю, гастроному, муравью, дымящемуся летнему асфальту, мучительной капели в ноябре (балкон потек, и капли лупят в таз, подставленный внизу: зима, не медли!.. приди и заморозь...); нам кажется, что это серый цвет, дальтоники, мы сетуем, вздыхая, меняя суету на суету, сжимаем в кулачке тщету побега, горсть медяков, желая одного: купить хоть ненадолго новый мир, где будет солнце, звезды, смех и слезы, азарт погони, прелесть искушенья, друзья, враги, события, судьба... Вы ищите не там, где потеряли. О да, согласен, что под фонарем искать светлее, но монетка счастья упала из кармана не сейчас – вчера, позавчера, прошедшим летом, пять лет тому назад, давным-давно, и ваши фонари уныло светят, веля «Ищи!» – овчарке так велит ее хозяин.

Нет, не напишу.

Лишен таланта, скучен, не умею.

Могу лишь обмануть. «В доспехе латном, один на сотню, с палахом в руке...» Или иначе: «Звездолет „Борец“, закончив гиперквантовый скачок, встал на орбите. Молодой десантник...» И будет мне почет. Тираж вскипит девятым валом, пеною обильной, с базара понесут мои творенья, и, надорвавшись, треснет Интернет от жарких писем: «Лапочка Снегирь! Не чаю уж дожидаться продолженья великой эпопеи!» Я отвечу. Скажу, что продолженье скоро будет. Пишу для вас, любимых, дорогих...

Я никогда не напишу *про вас*.

Пожав плечами, ухожу с балкона.

* * *

[Snegir]: Снегирь прилетел! Готов к употреблению...

[Хазюк]: Влад, трям!!!

[Номо SS]: Здравствуйте на фиг! Я просто в шоке после прочтения каждой Вашей книги. Хожу как пыльным мешком пришибленная минимум неделю!

[Oldie-Perdoon]: А ты правда Снегирь? Автор «Гуляй полем»?! А то был тут один козел...

[Глас Вопиющего]: Снегирь! Я уже говорил Вам о невозможности продолжения Вашего творчества в таком виде. Не забывайте, что Ваши сатанинские писульки ставят в опасность Вашу бессмертную душу! Бога побойтесь! Ведь там уже поздно будет!..

[Derjimorder]: Народ, отвалите от человека, а то я щас кого-то за хвост возьму!

[Oldie-Perdoon]: И оторву вместе с ушами!

[Дядя Гусь] задумывается о золотой цепи, на которую приковать Снегиря, и чтоб он писал ему одному...

Щелчок ключа в замке. Дерг, дерг... Ага, хрен там, я цепочку накинул. Рефлекторно. Потому что тормоз. Забыл, кто сегодня прийти должен. Про чат со мной, любимым, в последний момент вспомнил, а про самое важное... Вот, кстати, и чат завис. Вернее, не чат, а модем.

Вовремя.

– Сейчас! Открываю! Не ломись!

Модем – на прозвон. Ага, замигал, заверещал, болезный.

– Иду!

Кто стучится в дверь моя? Видишь, дома нет никто! Это я, жена твоя...

А и не жена зато!

– Привет, Настя. Давай сумку. Тяжелая?

– Привет, Снегирь. Осторожней, яйца! На углу купила.

Она меня всегда по фамилии звала. Точнее, по псевдониму. С самой первой нашей встречи. Когда я, распушив павлиний хвост (как же, белой акации цветы публикации! Литератор!! Круто!!! Круче нас только эти, которые на углу продаются...), стал токовать на суку.

Осторожно ставлю сумку на пол, делаю вид, что помогаю Насте снять пальто, а сам при этом лезу обниматься.

– Ох, Снегирь... Дай хоть раздеться.

Впрочем, высвобождается она не сразу. Искоса поглядывая на меня, начинает стягивать сапоги.

– Что это у тебя пищит? Холодильник не закрыл?

– Это модем.

– Опять в сети, маньяк?

– On-line-интервью даю. В январе на сайте анонсировали. Извини, забыл предупредить. Часа полтора еще.

– Да ладно, ерунда. Тебе кофе сварить?

– Ну! Что б я без тебя делал?..

Настя уходит на кухню. Я вновь подсаживаюсь к компьютеру. Бедняга модем ломится в сеть, печально и тихо стеная. Вечером на наших линиях коннект паршивый, все перегружено... Странно не то, что связь глючит, а то, что она изредка работает нормально! Наша АТС 1934-го года постройки, с нее разве что на Беломорканал звонить. Вот, опять сорвалось...

- Держи кофе.
- Угу.

Мы познакомились шесть лет назад. Три месяца эйфории. Ходили в обнимку, целовались в метро, улыбались в ответ на осуждающие взгляды. Свадьба! Гулянка, дым коромыслом. Еще год все было хорошо. Чудесно! На последнюю трешку шли в кафе. А потом, когда мои книги «пошли» всерьез, когда появилась возможность жить на гонорары... Семейный уют лопнул. Ссоры на пустом месте, глупые обиды, обоюдные загулы «на сторону». Спустя два года мы развелись. Тихо, мирно, без скандалов.

Через месяц я зашел к ней под каким-то пустячным предлогом. Остался на ночь. Лучшую ночь в моей непутевой жизни. «Я так соскучилась по тебе, Снегирь!» И лишь где-то далеко, на самом краешке сознания, – страх, что наутро...

Вскоре Настя заглянула ко мне: забрать свой зонтик. Целую неделю забирала. Я пошел ее провожать и снова остался. В общем, так мы теперь и живем третий год. Мелькаем туда-сюда. Наверное, скоро заведем ребенка. Здесь главное: ни в коем случае не расписываться снова! Штамп в паспорте для нас хуже проклятия Властелина Черных Кактусов! Такая, значит, любовь...

- Ладно, как там со связью?
- Коннект? Есть коннект!
- Он сказал: «Поехали...»

[Нескопом]: Вы писали, что общаться с читателем вам интересно. Когда вас хвалят – тогда интересно? Мне небезразлично ваше творчество... я, так сказать, голосую за вас рублем... потрудитесь соответствовать!

[Живчик]: Вчера в метро за два часа прочитал «Имперцев» – я в экстазе!! Искрометный юмор, красота отдельных мгновений и целостность ситуаций, тонкие психологические переживания плюс здоровая доля полного маразма – настоящий коктейль творчества!!

[Coockish]: Итак, ответьте мне, господин Снегирь, отчего вы столь грубо обошлись с моим земляком Колюном, отказав ему в наивной просьбе выслать Ваше фото с афтографом, а также не отреагировали на присланную им же идею для, уверен, просто гениальной Эпопеи?!!

[Big Pig]: Я очень люблю ваши книжки! ВСЕ ОЧЕНЬ КРУТО! Я ЛЮБЛЮ МИР!

[Хаврошечка]: Уважаемый Влад! Я написала вам в гостевуху такое искреннее, душевное письмо, какого никому никогда не писала, раскрыла вам свою душу. А вы плюнули в нее своим молчанием. Неужели трудно было ответить хоть что-то!

[Рыло Пушистое]: Я люблю «Очаковское» пиво в пластиковых бутылках, но недавно прошел слух, что это разбавленный пивной концентрат + спирт. Что Вы думаете по этому поводу?

...за моей спиной Настя полезла в шкаф. Я было испугался: станет наводить порядок, а это хуже керосина! Нет, раздумала. Вынула чехол с гитарой, извлекла инструмент. Недавно купил: у старенькой «Кремоны» треснул корпус, так я присмотрел дешевенькую «Реноме». Мои шесть аккордов все равно на чем брать, хоть на лыже. Так, для себя оттянуться...

- Тихий, изрядно фальшивый перебор.
- Голос у Настюхи не ахти, но слушать можно.

Кому поет твоя свирель
В промозглом ноябре?

Вослед свободе и игре —
Мечты о конуре.
И ты согласен умереть,
Но перестать стареть.

Примерзли губы к тростнику —
Звучанье? Пытка?!
И эхо шепчет старику:
«Отбрось копыта...»

«Старого Пана» я написал прошлой осенью. В простеньком «ля-ля миноре». И никогда не слышал, чтобы Настя пыталась... Пение отвлекало, я сперва хотел попросить ее выйти, но раздумал.

Сам не знаю почему.

– Пан?
Пропал?!
Ночь слепа.
Изо рта —
Сизый пар.
Ветер волосы трепал,
Успокаивал...

[Captain]: Хай, Снегирь! Я прочитал без малого 500 (478) фэнтезийных (фантастических) книг, но только твои и Березкины вызвали во мне особое восхищение, а также заставили меня думать. Единственная мечта, которая осталась, – пожать тебе руку. Попробую сделать это через Интернет.

[Driver]: Возможен ли увлекательный и умный роман без стрельбы и мордобоя – короче, без приключений тела?

[Mastiff]: Не кажется ли Вам, что наличие в книге какой-либо отчетливой идеи – это погрешность писателя? А Ваших опусов я вообще не читал... Советуете?

[Gold Petooh]: Вот, выловил любопытную цитату: «Произведения одного автора или группы авторов одного пола („гомосексуальные“, если можно в данном контексте так выразиться) – они всегда в чем-то неуловимо однобоки». Не желаете прокомментировать? Я это к тому, что у вас книги действительно какие-то... без либидо.

[Умница] [Gold Petooh]: Это такое японское боевое искусство – либи-до?

[Uncle Bend]: Во многих Ваших книгах по ходу сюжета встречаются описания различных способов казни – от банального сажания на кол до совсем уж экзотических. Взяты ли они из исторических источников? Всегда ли необходима такая подробность в их описании?

Пусты осенние леса,
Бесплодны небеса,
Ты не собака, ты не псать,
Ты – битая лиса.
Метелка дикого овса

В курчавых волосах.

Ледком подернулась тоска —
вода в колодце.
Набухла жилка у виска,
коснись – прольется.

Хорошо, что я умею быстро печатать. Большинство моих коллег это делают медленно. А я быстро. Зато они пишут быстрее. Не все, но многие.

Каждому – свое, как было написано над воротами Бухенвальда.
Или я опять что-то путаю?

Пан?
Пропал?!
Ночь слепа...

[Sibilla]: Смотрите, кто это? Это же Влад Снегирь! Здравствуйте, я к вам из Монголии, решила посетить интервью! Я вот честно ни фига не читала... А на английском есть ваши романы, Снегирь?

[Herr Cooles]: Страшные вещи пишешь, уважаемый. Плохо спится после чтения твоих книг... Да и сразу тянет читать новые. Любишь убивать своих героев. Неужели смерть является последним штрихом, экспериментум крузис, чтобы герой понял сам себя? А может, твои персонажи тебе слишком дороги, чтобы оставлять их в живых?

[Fat_Princess]: Птичка, ты просто гений! Не меньше!!! Приезжай в Абакан – пивом и жильем обеспечим! Любим, любим, любим...

[Mood Dark]: С ума сойти... Все, что читал... такой бред... Снегирь... какой провинциал со стажем и непременными усами подковой, переработав в КБ, мог сочинить «Гуляй полем», извините... но... сдохнуть со смеху... и этот человек еще пишет о вампирах... читают вас дауны... и я в том числе, потому что сегодня выпил уж больно много пива...

[Канкретный Пацан]: А почему наши писатели тяготеют к фэнтези? Где старый добрый НФ? Патаму чта фэнтези – это по понятиям, а НФ – типа нет?

[Рыло Пушистое]: Какой спиртной напиток в данный момент вы считаете наиболее подходящим для свободного полета творческой мысли?

Кому нужна твоя свирель,
Когда умолк апрель,
Когда последний лист сторел
На гибельном костре?!
И ты согласен умереть,
Но только бы скорей...

Идет нелепая зима
в хрустальном платье.
У божества – своя тюрьма,
свое проклятье.

Скоро надо будет закругляться.
Устал.

Пан?
Пропал?!
Ночь слепа.
Изо рта —
Сизый пар.
Ветер волосы трепал,
Успокаивал...

[Elf Gosha]: С некоторых пор с отвращением отбрасываю все, что написал Снегирь. Начиная э-э... дай бог памяти – с «Острого угла», что ли? Все – сплошная истерика. И «Имперцы», и «Гуляй...» завалены этим по самую крышу. Какой антураж? Какой юмор? Все смыто псевдоисследованием человеческой души. Если проявление духовной жизни – непрекращающаяся истерика, то это не к писателю, а к психотерапевту.

[Ellen]: Спасибо за ТЕ САМЫЕ слова, что, наверное, приходили в голову многим читателям – только никто не знал, как сказать.

[Lordik]: Как относитесь к мату в книгах?

[Valentine]: Скажите, насколько важна Вам фантастическая сторона произведений? Нет ли желания написать книгу о Жизни, которая вокруг нас и оставаться человеком в которой порой труднее, чем совершить подвиг в волшебных мирах?

[Second-Hand]: Очень люблю твои книги, но в последнее время пошли какие-то не очень понятные отклонения в сторону «психологического трепа». Я люблю психологическую литературу (Достоевского иногда почитываю), но не до такой же степени! Будь проще, и народ к тебе потянется.

[Жадина]: А то, что небольшой роман выпустили в 2-х то-о-оненьких томиках по 50 р. каждый (!), навевает нехорошие мысли об излишнем сребролюбии...

– Снегирь, а Снегирь... Я давно хотела тебя спросить...

Чат разбежался, по экрану гурьбой бежали всякие «хаюшки», «чмоки», «покашки» и «удачи!». Я мотнул головой, параллельно выстукивая ответную дребедень. Дескать, спрашивай, раз давно.

– Только ты не обижайся, ладно?

– Ладно.

– Понимаешь, они ведь дураки. Обычные дураки, пустые как барабан, получившие возможность греметь на весь свет. Ты читал их вопросы? И свои ответы... Это позорище, Снегирь, птичка моя певчая. Тебе не стыдно?

Я откинулся на спинку кресла. Она не понимает. Она никогда не поймет. То, что я сейчас сделаю, будет жестоко, но это единственный способ.

– Неправда, Настя. Они не дураки. Они – читатели. Умные, глупые, смешные, гордые... Всякие. Чи-та-тели. Люди, которые читают. Тот же биологический вид, что и читатели Толстого, Гессе, Бодлера... Не веришь?

– Не верю, Снегирь.

– Хорошо. Представь себе, что Лев Толстой жив. Что у него есть персональная страничка на сайте «Русская литература». <http://www.rus-litr.ru/tolstoy-leo/> И вот ты пишешь ему в госте-

вую книгу. Ты – умная, образованная, под завязку набитая аллюзиями, метафорами, эстетическим мироощущением и чувством слова. Садись, пиши. Только имей в виду: Интернет платный, и на долгие письма у тебя бабок не хватит!

Когда я уступил ей место, Настя долго смотрела на экран. Минуту, может, больше. К концу молчания она начала шевелить губами. Словно ребенок. Пальцы, помедлив, легли на клавиши.

– Дорогой Лев Николаевич!

Еще минуты две Настя всматривалась в написанное, медля продолжить. На лице любимой женщины писателя Снегиря отражалась сложная гамма чувств: так внезапно опрокидываешься в зеркало, впервые увидев по-настоящему – морщины, мешки под глазами, сухие губы...

Не выдержав паузы, она стерла приветствие и начала заново:

– Здравствуйте, господин граф!

– Ты еще «Ваша светлость!» напиши, – не удержался я. – И про зеркало революции.

– Уважаемый писатель Лев Толстой! – Ей было трудно не ответить мне колкостью, но Настя (чудо?!) промолчала. – Я очень люблю Ваш роман «Анна Каренина». А также «Войну и мир», «Воскресение» и рассказы. На мой взгляд, это вершины русской словесности, в полной мере отразившие...

Прекратив печатать, она опустила руки на колени. Резко отодвинула кресло от стола. Кажется, Настя была готова расплакаться.

– Ты прав, Снегирь, – чуть слышно прошелестел ответ. – Они – читатели. А я – дура. Круглая. Извини, пожалуйста...

Я обнял ее за плечи. Теплые, узкие плечи, обтянутые джемпером.

– Все, проехали. Твой любимчик Толстой терпеть не мог Шекспира. А Тургенев – Достоевского. Дразнил того килобайтчиком и шаромыжником. Дескать, потекает запросам низкого быдла. Зато и Толстой, и Тургенев обожали Жюль Верна. Представляешь, в гостевой книге: «Дарагой Жюль пеши больше я от тебя балдю. Твой фан Тургенев...»

VII. Отсебятина: «Лучший-из-людей»

Мы внимательно изучили ваши рассказы, выскивая самое лучшее.

К сожалению, вынуждены огорчить отказом. В текстах должно быть поменьше жестоких и «кровожадных» сценок, а побольше добра, юмора, движений. Чтобы вам стали более понятны наши требования, сообщаем, что наш журнал рассчитан на среднего колхозника, среднего труженика. А теперь представьте: приехали вы в какой-нибудь колхозный клуб и читаете рассказ «Око за зуб».

Написано, конечно, здорово, но реакцию зала можно отчетливо предсказать...

Из архива В. Снегиря

– И тут великий воин Бут-Бутан выхватил меч Дзё-Дзё-цы, что значит «Обух Счастья», и, произведя тайный прием «Снулый карп мечтает стать драконом»...

– Ух-х-ха! Хо-хо-хо!

– Тише!

– ...изученный им у отшельницы Лохматого Хребта, с таким искусством отсек себе на взмахе кончик левого уха, что Черный Кудельпац в тот же миг умер от смеха! А боги с небес плакали жемчугом и изумрудами, больно ударяя по бритому затылку героя...

– Га-га-гаххрр!

– Еще! Еще давай!

– И тогда великий воин Бут-Бутан, иначе Куриный Лев...

– Ах-ха! Цып-Львеноч!

– Саранча в меду! Горяченькая!

Набив рот саранчой, по вкусу напоминавшей мамыны «хрустики», я лениво внимал. Этот сон мне нравился. Вкусно, смешно, и никаких дурацких хватов с Горцами. Невпопад вспомнился Вальтер Скотт: в дневниках сэра писал, что у него работа над романом идет всегда. Гуляет, ест, спит, а потом – бац, и сложилось. Ясное дело, мы с сэром одной крови: и в области таланта, и по части методов. В чате сижу, Настю люблю, потом сплю, значит, саранчу кушаю, байки слушаю, и вдруг – бац озарение. «Большое У», если верить китайцам. Или даже «Большое У-у-у!» Строчка за строчкой, и каждая нетленкой пахнет. Руки тянутся к перу, перо к бумаге, минута – и...

Вот только еще посплю маленько.

– ...в отрогах Дурьяндупы встретился ему крылатый Сри-Сида, то есть «Блистательный Небожитель», лелея желание поделиться секретами боя на овечьих колокольцах. Ибо слух о подвигах героя...

Глаза болели от зеленого. Харчма старого Хун-Хуза располагалась на обширном лугу, при полном отсутствии стен или крыши над головой. В сезон дождей проще нанять нищих с зонтами, дабы прикрывали клиентов. Во всяком случае, это я решил, что так проще, а кому не нравится, пусть идет в другое место. Здесь же перед любым посетителем прямо на травке расстилалось полотно, и ты, сидя на собственной заднице, мог предаться чревоугодию. Кухня простая, но обильная: тушеная печень осьминога, свиные хрящики в жижице, суп из бычьих рогов, биточки «Черачап», нефритовые стебли в укусе, глаза карасиков... И много-много манговой фьюшки. Под фьюшку слушать о подвигах Бут-Бутана было тепло и смешно.

Хотя для меня жизнь Куриного Льва сочинялась без особого веселья.

Бут-Бутана, мальчишку-неудачника, я во многом писал с себя, любимого. Влад Снегирь, он же Владимир Чижик, в детстве просто Пыжик. Вечно обижаемый рохля. Пятый класс школы: пошел заниматься дзюдо. Один раз подтянулся на турнике, дважды отжался от пола.

Посмеялись, но взяли. Через полгода ударился головой об пол: врачи-окулисты запретили борьбу напрочь. Пошел на фехтование. Чуть глаз не выбили: маска прохудилась. Пошел на карате, уже в бурсе: сломал ногу, а тренера вскоре посадили по валютной статье. Мне легко было «делать» Бут-Бутана – подкидыш, воспитанный в семье маслодела Чемпаки, гордый заморыш, он был убежден, что родился для воинских подвигов. Вечно битый, всегда задиристый, превращавший в оружие любой попавший в руки предмет (ветку, пояс, камень...) и снова битый, битый, битый... За него давали не двух – две сотни небитых. Неукротимый дух царил в скудном теле. И однажды бродячий Пандит рассказал мальчишке сказку про Лучшего-из-Людей: воина, мудреца, правителя, волшебника, равного богам. За что Златоухая Джестумшук, госпожа Сивого неба, велела дружине Вержегромцев расчленив предательски усыпленного героя. Части тела Лучшего-из-Людей были раскиданы по земле, обратясь в младенцев. Подкидышей. Вечно ищущих завершения и никогда не находящих его.

«Возможно, ты, малыш, правая рука Его, – на прощание сказал Пандит. – Рука Меча. Ты помнишь, ты хочешь, но не можешь. Что ж, ищи...»

Бут-Бутан пошел искать. Сейчас, в моем незаконченном романе, он бился на стенах Дангопеи вместе с Носатой Аю, «Рукой Щита», страстно желавшей защитить всех страдальцев, но навлекавшей на них лишь новые беды, и Мозгачом Кра-Кра, «Головой Власти», косноязыким волшебником, не способным произнести до конца ни одно заклинание. И мне надо было гнать их дальше на поиски, а я ел саранчу,пил фьюшку, спал без задних ног и врал издателю, что скоро закончу.

Брехло я ленивое.

Самое время «пшикнуть» и сесть за работу.

– ...спасибо Нежному Червю: подкинул Отщепенку. Швея, доложу я вам! – пока мы над плащами корпели, она за два дня все мундиры галунами обшила! И не прожорлива, хвала Мамочке: соломки маковой кинешь, и ладно...

– Да чего их кормить? Пушай работают! А там – «пшик», и гуляй морем...

– Это верно, кормов жаль. Нежный Червь по связке в час берет. А ежели Отщепенец для жертвенного Дождеванья или там пытку новую испробовать, – и того дороже...

Медовая саранча встала мне поперек горла, трепеща крылышками.

Расплатившись с Хун-Хузом, поднимаюсь. Пора уходить. Хваты, Отщепенцы, галуны... Червь, понимаете ли, Нежный. Торт есть такой, «Нежность». С червями, должно быть.

Снится дрянь всякая...

Дорога от харчмы к храму вилась чудными загогулинами: с высоты птичьего полета они наверняка складывались в витиеватое ругательство. «Чому я не сокіл, чому не літаю?» Катерина из «Грозы» тоже, помнится, интересовалась: чего люди не летают? Не ваше дело, сапиенсы. Вам дай крылья, вы друг дружке на голову гадить станете. Раньше, в других снах, я летал довольно часто – но здесь, в Ла-Ланге, талант авиатора бежал меня. Видно, с реализмом переборщил. Магии себе *натворить*, что ли? Или артефакт завалящий?! Ладно, перебьюсь! Если б еще не дикий штын из слободы золотарей-ортодоксов: вон из-за частотола воняет.

Поселок философских каменщиков я уже, к счастью, миновал.

За долиной млечных тюльпанов, на Худом Утесе, торчит наклонная сразу в три стороны башня местного мага Нафири-су, сибарита и мизантропа. Того и гляди, рухнет – но не поймешь, куда именно. Сердце наполняется законной гордостью за творение моей блистательной фантазии: буйно цветут хвойные бунгало, в кустах зверобоя продырявленного, шелкая клювами, гвельфы-сырояды гоняются за шустрими гибеллинчиками, от питомника бойцовых выхухолей доносится меланхоличное: «К ноге! Фас! Куси за лодыжку!..», – и, обуйан гордыней, я немедленно поскользывается на слоновьей лепешке.

Еле успел ухватиться за дюжего мужика, шедшего навстречу.

– Ну ты, бродила! Зырь, кого хватаешь! А то самого щас цапну!

А еще в шляпе! Широкополой, из войлока... Ба! Это ж хват!

Четверка его коллег выворачивает из-за клубничной рожи. Чмокают соломенные шлепанцы, смачно, взасос целуясь с грязью. Чудеса: в округе сушь, а здесь всегда грязи по колено. Одно слово – сон.

– Что, Дун-Дук, с горя решил бродилу прихватить? Раз с Отщепенкой обломилось?

– Я его?! Я его прихватил?! Вцепился, шаталец, как банный репей...

В ответ – мрачный гогот. Восстановив равновесие, я спешу убраться подальше от компании хватов. Жаль, спешить по грязи выходит скверно: чав-чав, чмок-чмок. Не бегство, а фонограмма «Любви людо-еда».

За спиной, удаляясь, бубнит разноголосица:

– Надо Нежному Червю сказать! Прямо в глаз! Неча нас в оный храм гонять!

– Ну! Второй раз конфузия!

– Нафири-су во злобе со свету сживет...

– Вот вам и Случайная Удача!

– Так она ж от роду-веку – *случайная*. Видать, случай мимо выпал.

– Две стражи прождали – и все мытарю в кошель!

– А может, жертву ей надоть? Кривой Тетушке?

– Же-е-ертву... Бродилу своего лучше бы цапал да к Нафири-су тащил. Кто б его хватился, шатальца?

– Теперь уж поздно – убег...

– Что ты мелешь, Спаран? Человек, живая печень. Не Отщепенец, чай...

– Ладно уж, чего без толку язык полоскать...

Похоже, маг опять остался с носом. Ну и черт с ним. Делай ноги, приятель, «пшик» не за горами!

Храм пустовал. Кусок стены послушно крутанулся вокруг оси, и мне навстречу...

– Настя?!

– Снегирь?!

– Ты чего в моем сне делаешь, подруга?

– А ты – в моем?!

С минуту мы ошарашенно глядим друг на друга. На Анастасии – знакомые портки с безрукавкой, только безрукавка почему-то надета задом наперед. Туго я соображать стал. Никак не пойму, по какой причине. Ведь есть же причина, должна быть!

– Кошмар, Снегирь! Какой гад такие сны сочиняет?! Встречу – убью!

Скромно молчу.

– Думала: замуровали! Сейчас Фредди Крюгер вылезет!.. Не мог раньше объявиться?!

– Фредди?

– Ты, дубина!

– Откуда ж я знал? Сплю себе, фьюшку хлебаю...

– Алкаш! Он хлебает, а я расхлебываю!

Машинально оправдываясь, я нутром чую приближение скандала, – но тут на тройке с бубенцами подкатывает дружнице-«пшик». Оттолкнув Настю, врываюсь в каморку, спешно раздеваюсь, швыряя вещи в сундучок. Пинаю спусковой камень, больно ушибаясь локтем. Из нездешнего далека гулом колокольни вспыхивает:

– Снегирь, ты куда?! Ты зачем голый, Снегирь!..

Просьпаюсь я, Настя. С легким паром.

То есть с добрым утром.

VIII. Рубаи из цикла «Обитель скорбей»

Написал я роман, – а читатель ворчит.
Написал я рассказ, – а читатель ворчит.
Я все время пишу – он все время читает,
И – Аллах мне свидетель! – все время ворчит!..

IX. Дорога дальняя, казенный дом с перерывом на воспоминания

Противостояние «высокой» и «коммерческой» прозы существовало всегда и всегда было нормальным состоянием литературы. Другое дело, что интересы авторов обеих литератур диаметрально противоположны.

Авторы «коммерческой» литературы, как правило, страстно жаждут признания другой стороны, но, не в силах получить его обычным путем, добиваются такого признания нелитературными средствами. Войны всегда развязываются авторами «низкой» литературы, и если уж война начинается, то ведется именно как война – действия, направленные на полный разгром противника.

Из статьи в фэнзине «Дружба уродов»

Одинокий трубач на перроне вдохновенно лабал «Семь сорок» в ритме «Прощания славянки». Гимн Ее Величества Дороги взмывал к небесам, золотой иглой пронзая насквозь плоть сумерек, и вороны, ошалев от меланхолии, граяли Краснознаменным хором им. Дж. Гершвина. Смутные тени наполняли февраль: добры молодцы с баулами, красны девицы с мобилами, проводницы с полупроводниками, носильщики с волчьим блеском в очах, красных от недосыпа и бодуна; разбитные офени бойко впаривали пиво, перцовку на меду, конфеты «Радий», пижамы из байки и сервизы под Гжель, – видимо, пассажирам назначалось хлебать «ёрш» именно из синюшно-лубочной чашки, надев хэбэшный пеньюар и закусив липкой карамелькой. Мимо скользнул юноша бледный, вяло каркнув: «На хлебушек, дядя?», и, не дождавшись милосердия, купил у жирной бабки пол-литра «Рябины на коньяке». У ступеней подземного перехода, зевая во всю пасть, скучал мордорот-ротвейлер: псу меньше всего хотелось ехать за тридевять земель, хлебать щи из «Педигрипала». Рядом зевала дуэтом жеваная мамзель-хозяйка, сверкая фарфором челюстей. Вавилон кишел в ночи, Вавилон плавился надеждой на обетованность иных земель, сливая воедино трубу, грай ворон, хрип динамиков: «Скорый поезд № 666 „Азазельск – Лимбовка“ прибывает на...» и тоску гудков от сортировки – в детстве я чертовски любил ездить на поездах, «где спят и кушают», ибо такой, гулкой и бестолковой, казалась сказка.

Люблю по сей день.

Душой я уже был на конвенте. О, конвент! О-о-о! Попойка титанов – если водомеркой скользить по поверхности бытия. Расколотые зеркала («Утром встал! увидел! н-на, дракула!..»), поверженные унитазы («А чего он? чего?!»), шашлыки из корюшки, пляски под луной, в номере пылится груда огнетушителей, невесть зачем собранных со всех этажей, саранча опустошает бар дотла, ангел опрокидывает чашу за чашей, а звезда Полюнь отражается в безумных глазах, до краев полных чистейшего, как дедов самогон, творческого порыва. Но набери воздуха, нырни глубже – и откроется! Грызния за премию, гнутую железяку, не нужную нигде и никогда, кроме как здесь и сейчас, верная зависть и черная любовь, искренность, смешная, словно детский поцелуй, скрытность, похожая на распахнутый настезь бордель, террариум, гадючник, сад Эдем, детский сад, Дикая Охота, седина в бороде, бес в ребрах: «Я! с ней! пятнадцать лет назад! Чуваки, я старый...», слезы в жилетку: «Пипл хавает! Хавает! Ну скажи, скажи мне, почему он хавает меня, гнилого, а свежачок...»; вопль сердца, взорвавшегося над торговым лотком: «Борька! Борькина новая книжка!» – и в ответ на справедливое: «Какая, к арапу, новая?! Просто раньше не публиковали!» подавиться инфарктным комом: «Не новая... Борька, черт! За Борьку, гады... Молча, не чокаясь...» А если загрузить карманы свинцом и опуститься на дно, где шевелят усами трезвые сомы, где бессонные акулы способны

урвать часок-другой покоя, а затонувший галеон полон слитков золота, – контракты, соглашения, джентльменские и как получится, налоговые справки, роялти, проценты, отчисления, пиар, форзацы, контртитулы, «споры по настоящему договору...», возвышение малых сих и низвержение великих, тиражи, тиражи, тиражи...

И рожденные в буйстве хокку:

Иду по склону.
Кругом писатели.
Да ну их на ...!

Седые фэны, помнящие фотокопии и самиздат, слова, таинственные для выбравших «пепси» юнцов; лысые мальчики, истрепанные страстями и алкоголем; халтурщики, способные вдруг оглушить стальным абзацем, как бьет иранская булава – насмерть; сонеты, эпиграммы и лимерики, которым не дождаться публикаций; издатели хладнокровнее гюрзы и внимательнее «парабеллума», жадные диктофоны газетчиков жрут случайность откровений; наглые от смущения девочки вырывают автографы с корнем, кто-то сует рассказ на рецензию, вынуждая охренеть с первого взгляда: «Она раскинулась на простынях с моргающими глазами...»; споры захлеб, до утра, гитара, изнасилованная сотней рук, нет, я не Байрон, я другой, когда б вы знали, из какого сора...

Конвент.
Странная, страшная штука.
Соитие ада и рая.

* * *

– Ну-у-у, Вла-адинька!.. Ну-у-у, здравствуй, что ли?
Он всегда вкусно обсасывал слова, как мозговую кость.
– Привет. Пива взял?
– Пи-и-ва? Ну-у, взял.
– Угостишь?
– Ну-у... жадно мне...

Это был лев филологии, кашалот литературоведения, сизый кречет пера, великий критик современности, за любовь к Третьему рейху получивший кличку Шекель-Рубель. Субтильный барин, он и сейчас смотрелся скучающим лордом в отставке, снизошедшим до бутылки «Золотой эры». Ветер трепал лошадиный хвост волос, схваченных резинкой, – никогда не понимал, как можно отрастить такое сокровище при его лысине! Разве что с детства удобрять затылок...

Впрочем, лошадиная задница тоже безволосая.

Шекель-Рубель вальяжно крякнул, отрыгнув с видом короля, лечащего золотуху. Достал билет.

– Па-а-ашли, Влади-инька?
– Угу. Докурю, и пойдем.

Отчего-то стало грустно, что Настя не смогла меня проводить. Сейчас бы целовались на прощание, семейно, целомудренно вытянув губы, обещали ждать, скучать, зная, что забудем обещание, едва поезд тронется, застучит колесами...

Хотя мы и утром неплохо попрощались.

...Анастасия уютно, по-домашнему ворочается рядом, но просыпаться не спешит. Мне тоже жаль покидать теплую истому постели. Однако вдруг возникает предательское желание сделать Насте что-нибудь приятное. Например, подать кофе в постель. С горячими грен-

ками. Как она любит. Благодородные порывы у меня столь редки, что противиться воистину грешно. Осторожно, чтобы не разбудить, выбираюсь из берлоги, на цыпочках крадусь на кухню, прикрывая за собой дверь. Чайник – на конфорку, масло и ломтики батона – на сковородку; ага, Снегирию бог послал кусочек сыру, дабы, на булку взгромоздясь...

Спасибо Настюхе: во время моего отсутствия она решила постеречь квартиру, оставшись у меня на недельку. Не то чтобы сильно боюсь воров, но так спокойнее. Заодно, пока комп свободен, настучит свой реферат. О влиянии кого-то на кого – то.

Надо будет из вежливости уточнить: кого на кого.

Когда я объявился в дверях спальни, держа поднос с хлебом насущным, Настя только успела открыть глаза – и теперь изумленно хлопала длиннющими ресницами. Ресницы у нее от природы такие. Все подружки завидуют.

– Ты мне снишься, Снегирь?

– Обижает, мамочка! Это я, твой лучший в мире птиц! Вам кофе в постель или в чашечку?

– Ты действительно самый лучший птиц! Иди сюда.

– А вот ты мне взаправду снилась, – сообщаю в перерыве между кофе и поцелуями.

– Да? Приятно. Надеюсь, я была фурией? Стервой в кожаном комбидресе?!

– Не совсем, крошка. Комбидресс, например, отсутствовал.

– А мне тоже что-то снилось. – На миг я напрягаюсь. Вздрагиваю. Но Настя этого не замечает, набивая рот гренкой. – Дрянь какая-то. Только уже забыла, что именно. Я вообще редко сны запоминаю. Но тебя, птица певчего, я бы точно запомнила!

Поднос с пустыми чашками перекочевывает на тумбочку.

Одеяло накрывает нас обоих с головой.

– Вла-адинька! Мы опозда-а-аем!

Шекель-Рубель капризничает. Это у него в крови: шел бы сам, парился в купе! – нет, обязательно надо уболтать собеседника, заставить проникнуться виной: держал несчастного критика на ветру, голодного-холодного, подверженного менингиту, гепатиту и сибирской язве!..

– Иду, иду!

Когда он поднимается первым, виляя тощим задом, возникает острое желание дернуть критика за хвост. Борюсь с собой всю дорогу до купе и не выдерживаю. Дергаю. Шекель-Рубель оглядывается со скучной укоризной, морща носик, будто я при нем нагадил в Дрезденской галерее.

– У меня будет понос, – деловито сообщает он, веря, что этот факт интересен всем. Наклоняется, загоня сумку под койку, и повторяет с нажимом: – У меня точно будет по-о-нонос. Как всегда, в дороге. Девушка! Де-е-евушка!

Это не ко мне. Это к проводнице, румяной девахе-гренадеру.

– Что вам?

– Де-евушка, скажите, у вас какая сторона рабочая?

– Обе, – ничтоже сумняшеся отвечает красотка, видимо, прекрасно поняв суть вопроса.

Пока я давлюсь хохотом, Шекель-Рубель скорбит над бесчувственностью «отдельных представителей бомонда». Предаваясь шумному ожиданию «медвежьей болезни», прострелу от сквозняков, зверствам таможни и недополучению вожденной премии. Но скорбь длится недолго: в купе, дыша в рифму табаком и коньяком, ломаются двое наших попутчиков. Монстры жанра – я по сравнению с ними начинающий пижон; соавторы-многостаночники Эльф и Петров, творцы бесконечного фэнтези-сериала «Дюжина кресел, или Златой телец» о похождениях арабского мага Сулеймана бен-Марии. На книжном рынке только и слышишь: «Когда выйдет „Седьмое кресло“? А „Шестое...“ уже разобрали? И доптираж? А правда, что „Первое кресло“ экранизируют под названием „За двумя стульями погонишься...“?!» Кстати, Петров

– он не Петров. Это псевдоним. На самом деле он Сидоров. Зато Эльф – взаправду Эльф. Ну, почти. Когда юного Яшу Эльфенберга не хотели брать в университет, то взятка паспортистке сделала свое дело, обрезание состоялось, и на свет родился Ян Эльф (по мне, хрен редьки не слаще). Даже графа «национальность» приобрела соответствующий вид, но никто не знает, какой именно. Яшка категорически отказывается продемонстрировать паспорт.

В народе Эльфа дразнят Дваждырожденным.

– Об-струк-ци-я! Об-струк-ци-я! – скандируют соавторы, покатываясь со смеху. Суть шутки понятна лишь им, но я ловлю себя на желании вновь начать ржать. Это нервное. Предвкусшаю, значит. Застоялся, пора рвануть.

Гудок.

Плывет Вавилон за окном.

– За удачную дорогу!

– А Березку в «Книжном обозрении» обозрели во все дырки! Заказали девку...

– Знать бы – кто?

– Между первой и второй наливай еще одну!

– Пол-лю-ци-я! Пол-лю-ци-я!

– Валюн, сучий язвенник, пишет: «По молодости лет думал, что трудно быть бездарней Маржецкого. Ан, оказалось, есть еще скрытые резервы – навалом». И как начал тебя, Снегирь, поливать...

– Абзац ему в кегль! Шекель, сало будешь?

– Понос у меня... Ладно, давай. Толще, толще режь, жлоб!

– Перцовочки? Для лучшего стула?

– Акт дефекации закончился успешно! Фекалии были теплые, упругие и высокохудожественные...

Между шестой и седьмой объявилась таможня. Или между седьмой и восьмой? Нет, не помню. Помню только, что Эльф убежал покупать раков, утверждая, будто знает места их зимовки, а вернулся без раков, зато со штофом подозрительной «Старки» и в сопровождении вертухая. Мордатый цербер долго взирал на нашу компанию, шурша бровями, потом раздал декларации. Сыграли в крестики-нолики. Петров спросил, является ли он, Петров, и даже в каком-то смысле Петров-Водкин, произведением искусства. Или, на худой конец, антиквариатом. Шекель-Рубель послал Петрова на вышеупомянутый худой конец и, в свою очередь, начал бурно выяснять условия провоза валюты. Цербер оживился, выгнал всех, кроме критика, из купе, запер дверь и вздернул пытаемого на дыбу. Минут через двадцать, пучась от разочарования, он позвал нас обратно.

– Цель поездки?

– Еду в издательство вычитывать гранки, – сказал я, делая пассы.

Этому сакраментальному заклинанию пришлось обучиться лет пять назад, заехав к друзьям в Ростов. Было шесть утра, вокзал заселяли лишь редкие наперсточники, а меня остановил мент с автоматом и кавказским акцентом. Паспорт его не удовлетворил. Моя заспанная рожа навела на подозрения. И лишь загадочное «вычитывать гранки» – два удивительных, волшебных слова! – дулетом пробили броню насквозь. Мент вспыхнул златозубым оскалом: «Вах, иди, хар-роший чилавэк! Вижу, ты не фалшивомонэтчик!..» С тех пор «гранки» не раз выручали меня в критические дни.

Но только не сейчас.

– Еще раз спрашиваю: цель поездки?!

– Писатели мы, – буркнул вожделевший «Старки» Эльф и благоразумно добавил: – Бедные...

Морда цербера приобрела странную конфигурацию:

– Писатели? Все?!

- Ага.
- Детективщики?
- Нет. Фантасты.

Цербер просиял. Цербер возликовал. Цербер выгнал сунувшихся было на помощь коллег, заперся с нами в купе и стал подробно интересоваться стандартами «роялти» на десяти тысячах тиража. Также его очень беспокоил пункт 6.5: «При внесении редакторской корректуры более 30 % Издательство вправе снизить авторский гонорар на сумму оплаты затрат и работы специалистов, производивших работу по внесению сверхнормативной правки». Мы объяснили, просветили и утешили.

- Как книга называется? – спросил напоследок проницательный Шекель-Рубель.

Цербер зарделся:

- Я сперва назвал «Уходи с баркаса». Но главред... Сошлись на «Таможня берет добро».
- Надо будет отловить. А фамилия автора?
- Я под псевдонимом. Будете искать, спрашивайте П. Верещагина.

Через десять минут поезд отчалил к светлому будущему.

- ...раки! Вижу раков! Свистят! На горе! Иду брать!
- ...с недавних пор определение «депрессивный» по отношению к моим текстам стало меня напрягать...
- ...я пишу в очерке: «Начав карьеру с довольно неровных, но неизменно интеллигентных и профессионально написанных романов...» А эта сука правит: «Начав карьеру с неровных, эпигонских романов...» Ну не гад?!
- За хороших людей в нашем лице!
- Владя! Тебе взнос оплатили?
- Не то слово! Заколебали: приезжай да приезжай! Этот звонил... как его? Зам по особым...

Тишина упала на купе. Замер пластиковый стаканчик у рта Эльфа. Петров прикусил зубами рачью клешню. Кончил нить Шекель-Рубель. Все смотрели на меня. Пристально. Молча. Не моргая. Так смотрят на новичка, вдруг объявившегося на пороге казармы. Так смотрят на игрока, впервые вышедшего на поле в составе сборной. И сквозь хмельную блажь просвечивало нечто усмешливое, холодно-благожелательное, словно ледяная кружка пива с бодуна.

- Кто звонил, Владя?
- Ну, этот... Антип. Венецианович, кажется.
- Что сказал?

Кончилась тишина. Сдохла. Луна в окошко: тук-тук. Колеса на стыках: так-так. Бутылки о столик: что-что?

- Да ну вас, козлов! Ничего не сказал. Звал на конвент. Спрашивал, как пишется. Обсудили график допечаток.

- И все?

– Вроде все. А, еще интересовался «Тираном Нозавром». Первой публикацией. Не было ли левых допечаток. И спросил, как мне спится.

Эльф нервно опрокидывает стаканчик. По счастью, не на стол, а в рот. Наклоняется вперед, блеснув стеклами очков:

- Ну и как тебе спится, Снегирь?

В очках Эльфа отражаюсь я. Какой-то чужой я. Значительный. Толстый. С буржуйским самодовольством во взоре.

- Хорошо мне спится. Вам бы всем так...

– Яша, отстань, – вполголоса бросает Петров, возвращаясь к обсасыванию клешни. – Всему свое время. Видишь же, нашего полку прибыло.

Эльф тянется за бутылкой, облизываясь, словно варан на песочке.

– Вижу, вижу... Ну что, Снегирь? За тебя, красивого!

И, разливая, смеется:

– Добро пожаловать в Орден Святого Бестселлера.

* * *

Этой ночью спал, как покойник. В смысле, без сновидений. А наутро, под бодрое «Восстань, Лазарь!», воскрес: могуч, велик и готов к новым свершениям. Несмотря на вчерашний перебор, опасения не оправдались – бодун проехал стороной. Ошибся адресом, напав на обычно спиртоустойчивого Шекель-Рубеля. Эльф дрых в удивительной позе (Поль Гоген, «Потеря невинности»), Петров храпел на манер алябьевского «Соловья», а бедолага-критик нашел политическое убежище в ватер-клозете. Откуда его пыталась изгнать давешняя проводница с обеими рабочими сторонами:

– Санитарная зона! Мужчина, вы понимаете?

Мужчина понимал, но выходить не спешил.

За окном, утешеньем критику, проплыл станционный сортир повышенной вместимости, гордо выставленный на обозрение туристов. Сколько едешь мимо, столько любишь роспись стен храма Дристу-великомученику: перечеркнутая бомба – и надпись: «Превратим мы наш сортир в бастион борьбы за мир!» Страна нужников и граффити. Не знаю, как вам, а мне нравится! Ибо есть дзен-пофигист, каковым и пребуду во веки веков, аминь.

– Мужчина! Ну мужчина же! Семнадцать минут до прибытия!

Экзорцизм проводницы наконец увенчался успехом: через минуту изгнанный из убежища демон врывается в наше купе. Великий критик мечет громы и молнии, разоряясь столь многоэтажно, что я трепещу от зависти. Вот он, истинный мастер слова, носитель и творец живого русского языка! Ему бы в некроманты податься – любого мертвяка в три секунды поднимет, между первым и вторым загибом. Даже соавторы дрогнули. Проснулись. А их будить, доложу я вам... В купе воцаряется утренний бедлам, знакомый по десяткам подобных поездов. Сквозь стекло брызжет не по-зимнему жизнерадостное солнце, и я мысленно смеюсь над собственным, воспаленным ночью, воображением. Все эти странности, намеки... Розыгрыш, ясное дело! Клуб приколистов-затейников. Вон Эльф, зная привычку критика класть мобильник под подушку, стащил его «Моторолу» и тайком выставил будильник на шесть утра.

Дабы успел всласть опростаться.

– Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибывает...

Идем-идем. Только штаны подтянем.

На перроне буянит оголодавшая по общению стая фэнов-рецидивистов и мэтров в законе. Знакомые все лица. Кроме одного колобка: голова тыквой, брита наголо, зато на щеках красуется трехдневная щетина. Модное длиннополое пальто нараспашку, реет по ветру белоснежный шарф, будто заранее сдаваясь на милость победителя. От бабушки ушел, от дедушки ушел, теперь катается туда-сюда: слобный, круглый, румяный. Но, на удивление, не производящий впечатления толстяка.

Последнюю мысль я уже додумываю в его объятиях.

– Здравствуйте, дорогой, здравствуйте! Душевно рад! Приятно иметь дело с обязательным человеком. Ах да, совершенно забыл представиться: зам главреда «Аксель-Принт» по особым вопросам. Антип Венецианович Гобой.

Хватка у него, однако... А, судя по пухлым лапкам, сразу и не скажешь. Борец в отставке?!

– Влад Тромбон! – ляпаю первое подвернувшееся на язык; а на язык, как обычно, подворачивается чушь собачья. – Простите, Влад Снегирь, конечно... А если еще точнее – Чижик, Владимир Сергеевич.

Я на самом деле Чижик. По паспорту. И темперамент соответствующий.

Колобок заразительно хохочет, сверкая новогодней елкой: металлокерамика а la Hollywood, серьга в ухе и целая коллекция перстней. Притопывают лаковые штиблеты без единого пятнышка грязи. Кажется, Гобой ни секунды не может спокойно устоять на месте.

– «И явились к нему люди со странными прозвищами; когда же начали называть они свои истинные фамилии, то повергли Антропогея в еще большее изумление...» – нараспев, неожиданно густым басом декламирует он. Видимо, это цитата, но я не знаю, откуда. – Полно, Владимир Сергеевич, мою фамилию все по первому разу так воспринимают. А вас небось в школе Пыжиком дразнили?

– Дразнили. Когда на фонтане водку пил.

– Ах, юность, пора надежд! Ну что, пойдете? Машина ждет.

– Да я вообще-то... с народом, на метро...

– Дидель сети разложил, – напевает кто-то за спиной «Птицелова» Багрицкого. Гнусаво хихикает: – Чижик-Пыжик, надо ль плакать...

Кажется, Петров. Мне чудится в его пении нечто большее, чем просто ехидство. Ну, блин, шутники...

– Народ пусть безмолвствует! – Колобок тащит жертву сноровисто, как муравей щепку. – Неужели, дорогой Влад (а я для вас просто Антип!..), вам действительно хочется нырять в подземку, потом ждать автобуса, тащиться по ухабам... Осторожно, здесь ступеньки!

Ну с чего, с чего Владу Снегирию такая честь?! Те же Эльф с Петровым или Славка Неклюев, лидер продаж «МБЦ»... Богатыри, не мы! Может, действительно премию дать решили? И все заранее знают, один я – ни сном ни духом? Ага, раскатал губы! Премии ему, пернатому...

– Неклюева прихватим? А? – с надеждой оглядываюсь на радостно гогочущих, обнимающихся, хлещущих пиво соратников по литфронту. Однако соратникам я по барабану. По наигранному, неестественному, нарочно гулкому барабану. Без очков видно – притворщики. Один Шекель-Рубель хитро щурится вслед. Впрочем, это у него, может быть, от поноса.

– Пусть Неклюева его издатель возит! Давайте же, Влад, дорогой! Нам есть о чем поговорить.

Ну, если так... Дела – это святое.

Коммерческие, блин, тайны.

Темно-синий «БМВ» приветливо распахивает пасть. Багажник также открывается сам собой, водитель остается на месте. Укладываю рюкзак, суюсь в салон... Ни фиги себе! Это кто же за рулем?! Их преосвященство, генеральный директор собственной персоной?!

– Здравствуйте, Андрей Олегович!

А колобок от смеха прямо заливается. Что я опять брякнул?

– Добрый день, Владимир Сергеевич. – Шофер-гендир отменно вежлив. – Садитесь, прошу вас. Как доехали?

– Спасибо, хорошо...

– Это не Андрей Олегович! – выдавливают наконец Гобой. – Это Игнат Кузьмич, его все с шефом путают. То бумаги на подпись норвят подsunуть, то разговоры о поставках заводят...

Двойник скупо ухмыляется, став похожим на восковую фигуру из коллекции «Монстры XX века», и мы трогаемся, сразу ввинтившись в бесконечный поток машин. Да, теперь и сам вижу – ошибся. Водила, бугай-рекордсмен, шефа раза в полтора здоровее будет. Родственники? А ездит он, кстати, здорово! Мягко ведет, без суеты – это в столичном-то потоке.

– Сигарету, Влад?

– Не откажусь, – в тон Гобой отвечаю я, вальяжно откидываясь на спинку сиденья. Идет какая-то игра. Значит, сыграем по местным правилам, совместив, как говаривала Настя, неприятное с бесполезным. В зеркале заднего обзора видна унылая физиономия – Джеймс Снегирь, агент 007 на пенсии, – и меня разбирает смех.

Поэтому не сразу замечаю, что Антип Венецианович, левой рукой давая прикурить от своей зажигалки, правой как бы невзначай щупает мне пульс.

– Устало выглядите, Влад, – опережает он встречный вопрос. – Разрешите?

Зажигалка исчезает. В следующее мгновение Гобой, зам по особым, жестом окулиста-профессионала оттягивает мне нижнее веко и заглядывает в левый глаз.

– Чудесно! Лучше не бывает! – спешит успокоить самозванный эскулап. – Вовремя приехали. Как нельзя вовремя! Попейте водочки, а лучше – текилы, с коллегами пообщайтесь, перемойте друг другу косточки, отдохните...

Рецепты доктора Гобоя ложатся бальзамом на сердце. А что до маленьких странностей – мы здесь все психи.

– Прошу прощения. Я буквально на минутку.

Из рукава пальто словно по волшебству возникает миниатюрный мобильник. От аппарата к запястью владельца тянется золотая цепочка. Тонкая, витая. Успеваю заметить краем глаза, что на клавишах вместо цифр – одни буквы. Латинские. Местами же вообще иероглифы. Или руны?

Пухлые пальцы берут сложный аккорд.

Телефон отзывается клавесином.

– Да, это я. Кажется, успеваем. Нет еще. Думаю, завтра. Да, поговорю. До связи.

Мобильник рыбкой ныряет обратно в рукав. Силен, Антип! Копперфилд, Мефистофель и «новый русский» в одном флаконе? Делая вид, что нам подобные фокусы – плюнуть и растереть, глазею в окно. Мелькают кресты церквей, освящая рекламу «Макдоналдса», густо зеленеют памятники всяким деятелям, и – автомобили, автомобили... Пора городу переходить в третье измерение. Индивидуальные микровертолеты типа «Саранча», дирижабли-такси, а там, глядишь, и до антигравов додумаются. Хотя... лет за двадцать вертолеты с антигравами все воздушное пространство забьют вглухую. Да и если сверзится такая штука... Без нуль-транспортной не обойтись. Как без других кабинок, на которых по два нуля нарисовано. Приспичит – днем с огнем не найдешь. Вот о чем Шекель-Рубелю писать надо, а не про философию жанра.

– О чем задумались, Влад?

– О проблемах два нуля-транспортной, – мы люди честные, нам скрывать нечего.

– Новый роман замыслили? – Гобой расплывается в улыбке, щурясь чеширским котом. – Не торопитесь, матерый вы мой человечик! Роман по выходу читают. Допишите сперва «Лучшего-из-Людей», передохните, сил наберитесь – и тогда уж... Себя надо любить, холить и лелеять, иначе недолго и нервный срыв заработать. Кошмары, опять же, сниться начнут...

Он что, всерьез решил, будто я про телепорты в канализации писать собрался? Ишь, возбуждился: пафос, жестикуляция провинциального актера. Мамонт Дальский, трагик драный...

– Простите, Влад. Меня иногда заносит. Я ведь раньше на театре выступал. В опере пел. Надеюсь, вас это не очень смущает?

– Пусяки, Антип Венецианович. Я другого в толк не возьму: персональное приглашение, «машина к подъезду»... Желая, знаете ли, возопить: «За что?!»

– За все, Владимир свет Сергеевич! Любим мы вас! Авторов вашего класса – по пальцам пересчитать...

Сижу, помалкиваю. Обуреваюсь подозрениями. Когда издатель начинает «за любовь» – жди подвоха. Предпочитаю будни: тираж, гонорар, срок выхода книги. Ну, под коньячок можно на врагов посетовать. А любит меня пусть лучше кто-нибудь другой. Желательно Настя.

– Кстати, о мартовской допечатке «Имперцев»...

Кажется, добрались. Сейчас заявит: «Спешу обрадовать. Шиш тебе, мил-птиц Снегирь, а не допечатку. Ибо народ не Снегирия, а Маржецкого с Березкою с базара, блин, несет...» Вот и вся любовь.

– Спешу обрадовать: наши маркетологи решили ставить в производство не пять, а двенадцать тысяч. Держите гонорар. Чтоб веселей на конвенте гулялось.

– А-а... договор? Расходный ордер?

Легкомысленный взмах сдобной лапки. Точь-в-точь Карлсон: «Пустяки, дело житейское!»

– В понедельник заедете в контору, оформим. Гостиницу уже заказали. Посудите сами, золотой вы мой: приехали отдохнуть, развеяться, а тут – бумаги, подписи... Сам бы их век не видел. Зато гонорарушка (эк вкусно у Гобоя выходит!..) всегда к месту. Гонорарушка и тиражик. Помните, у классика? «А'хиважным для нас сегодня является ти'аж, ти'аж и еще 'аз ти'аж!» Или у другого классика...

В мгновение ока картавый говорок исчезает. Салон «БМВ» наполняется сочным басом Антипа Венециановича:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он известен всем по всей вселенной,
Тот кумир – тираж большой!

Меня покупают. Однозначно. На чем кидаете, черти?! Хотя, положи руку на печень, с «Аксель-Принтом» мы работаем пятый год. Контора солидная, в меру честная. Особенно с авторами. Ибо честность рентабельна, по мелочам кидать – терять лицо.

А если не по мелочам? Если по-крупному?

Сатана там входит в раж,
там входит в раж!
Люди гибнут за тираж,
да, за тираж!!!

Снегирь, дурила, как тебя можно кинуть?

Каким образом?!

Воображение отказывало. Я, конечно, фантаст, но не до такой же степени...

– А вот и пансионат.

Здание впечатляет. Снаружи. А внутри – особенно. Швейцар, тряся бакенбардами, распахивает перед нами двери, молчаливая охрана, мраморные лестницы, ковры, светящийся указатель: «Бар». Как поселюсь, надо будет наведаться. По опыту знаю: на конвентах «барская» жизнь процветает. У окошка администрации – галдящая толпа. И сразу, с порога: «Снегирь прилетел!» – «А где Эльф с Петровым?» – «Я в 804-м, заходи, накатим косорыловки!» – «... звездолет Ы летит в систему У, а на борту десантник Гидропончик...» – «Все издатели тор-моза!» – «Точно! Мне опять на обложке „зеркалку“ вlepили!» – «Ты в номинациях есть?» – «Козлы! Бэдж посеяли!» – «Здоров, Снегирь! Пива хочешь?»

– Ваш ключ, Влад. 241-й номер.

Оказывается, пока я вдыхал долгожданную атмосферу беспредела, Гобой успел просочиться сквозь очередь, подкатился к администраторше и вернулся с трофеями. Интересно, он и анкету за меня заполнил? Или так договорился?

А потом зашли мы в номер, славный 241-й, – и, культурно выражаясь, охренел я до пупа. Люкс двухкомнатный шикарный, два стола (один журнальный, а второй для посиделок...) и двуспальный сексодром! Блеск посуды в темных недрах обалденного буфета, кожа кресел-бегемотов, туша жирного дивана, куча встроенных шкафов, люстра в форме бригантины, бра, торшеры, под ногами – ворс толстого ковра. На кронштейне телевизор (блин, с подствольным видаком!) – не «LG», не мелкий «Томпсон», а прославленный в рекламах супер-»Sony-Trinitron». Сажень по диагонали! Холодильник дремлет сбоку. Машинально открываю. Пиво, водка, минералка, два флакона «Ахтамара», баночки – лосось, маслины, красно-черная икра... – Это что... это как?..

Спертое в зобу дыханье еле-еле выравнивается.

– ...как прикажете понимать?!

– Не понимать, а принимать! – Гобой приветлив и лучезарен. – Как должно! Как дань вашему яркому таланту, замечательный вы наш Влад! Ладушки, не буду мешать. Вечером увидимся, на открытии. Или в баре!

Северное сияние гаснет, оставляя меня в одиночестве. Посреди шокирующего великолепия. С потертым рюкзаком в руках. Хорошо хоть тапочки взял – ходить в сапогах по такому коврику нога не поднимется. Впрочем, здесь и босиком можно. Не простудишься. Вот она где, фантастика! А вы говорите – фэнтези, спейс-опера, киберпанк... Что ж мне теперь в этой пещере Аладдина делать? Грешно куковать в одиночестве при забитом холодильнике. Учинить кутеж с оргией? Заманчивая идея. Никогда раньше не устраивал оргий. Не участвовал, не привлекался...

Но надо же когда-то начинать?

Душой чувю, что Антип Венецианович со мной согласен.

* * *

Обед упорно сползал к трем часам пополудни. Последний автобус опаздывал, а лишать опоздавших кормежки оргкомитет счел несправедливым. Тем временем бар процветал. Кофе рекой, водка коромыслом, закуски кот наплакал. Ибо жрать – дело свинское, зато пить – удел великих! Памятуя гобойский рецепт, я заказал текилы и устроился в углу, подальше от иерихонских колонок. Рядом, в дыму и восторге, соткался изрядно поддатый Эльф. Один, без соавтора. Запустив длинный нос в мою рюмку, он гугукнул с одобрением, плотоядно сверкнул очками и возопил:

– Гарсон, текилы!

Я и опомниться не успел, как на нашем столике образовалась литровая бутылка «Саузы».

– Значит, угощаешь, – сделал странный вывод Эльф. – Правильно делаешь, молоток. Ну что, за твою орденскую планку?

На всякий случай я сначала выпил и только потом поинтересовался:

– Какую планку?

– Тебе что, Архипушка ни фиги не рассказал? – Эльф вытаращился на меня сквозь очки, сразу сделавшись похож на осьминога в аквариуме.

– Какой Архипушка? Антип Венецианович?

– Да врет он, Шалапин! Тип Антип... Архип он, понял! Архип Васильич. Так он тебе не?..

– Чего – не?

– Ладно, проехали! Значит, еще скажет. Ну, тогда за...

– За фантастику! – напротив плюхается знаменитый фэн Распашонка, дружбан и собутельник всего прогрессивного человечества, мигом наполняя свой стакан дармовой текилой.

Мы с Эльфом едва успеваем поддержать инициативу. Хорошо пошла – за фантастику! Экий, однако, темп взяли...

– Слышь, Снегирь, мы тут...

Дальнейший монолог Эльфа тонет в музыкальном армагеддоне. Развожу руками: не слышу, мол.

– Туда бы гранату кинуть! – вопит Эльф, с трудом перекрывая какофонию.

– Ура! Гранату! – Подогретый Распашонка лезет за пазуху и извлекает картонный цилиндр, сплошь в аляповатых иероглифах. Из торца цилиндра зловеще торчит кусок бикфордова шнура.

Очки Эльфа опасно загораются:

– Распашонка! Отец родной!

– Эльф, прекрати! Пожар устроишь!

– Не устрою!

– Обожжешь народ!

– Не обожгу! Я уже такую запук... запук-с-скал!

– Нас повяжут! Смотри, менты вошли!

– Нас не повяжут! Нас не догонят! За нашу бывшую Родину! Мэйнстрим must die! Слава киберпанку!

На последнем выкрике Эльфу наконец удается попасть отобранной у Распашонки сигаретой в кончик «бикфорда». Шнур вспыхивает, искря; Эльф привстает из-за стола («Велика Россия, а отступить некуда!..»), картинно размахивается... Вспышка. Фонтан сиреневого пламени. Вся стойка в дыму. Треск, грохот, по залу скачут палые августовские звезды. Отчаянный визг женщин. И – нестройное пьяное «ура!» отовсюду. Наш народ непобедим! Хоть атомную боеголовку в баре взорви: выживут, возрадуются и выпьют по поводу!

...Тишина. Тресчат по углам, догорая, остатки заряда. Туман порохового дыма красит бар синькой. Не сразу до меня доходит: Эльф добился своего, укротив музыку. За что и страдает: трое в форме крутят ему руки, тычут мордой в стол, прямо в недопитую рюмку.

– Козлы! Пустите!

– Сопротивление при задержании!

– Да вы знаете, кто я?! Я гений словесности! У меня соавтор – мент! Полковник!

Врет, гений. Частично. Петров, который Сидоров, действительно мент. Но – майор. В Куряжской колонии малолеток строил.

– Он вас всех!.. С дерьмом!.. По стойке «смирно»! Отпустили! Быстро!

– Хулиганство в общественном месте...

– А-а-а! Больно же! Козлы! Сатрапы!..

– ...в нетрезвом виде. Нарушение правил противопожарной безопасности. И оскорбление при исполнении. Будем составлять протокол.

Черт, кажется, Эльф влип серьезно. Надо выручать.

– Старшой, давай без протокола? Никто не пострадал, имущество цело. С барменом мы сами договоримся. А его соавтор на самом деле ваш коллега...

Старший сержант подозрительно оборачивается: это еще, мол, что за птица?

Распашонка, друг ситный, спешит на подмогу:

– Точно! Ихний соавтор – майар... тьфу, майор. Вы ему пенделя дайте и отпустите, он больше не будет. Давайте лучше выпьем! За нашу родную милицию!

– Где ваш соавтор?

На протоколе сержант больше не настаивает. Полдела сделано.

– В номере. Да пустите же! Больно!

Сержант делает знак. Двое держащих Эльфа слегка ослабляют хватку.

– В каком номере?

– В восемьсот четырнадцатом.

– Хорошо. Пошли разбираться.

Эльфа поднимают на ноги, я сую бармену «отступного» (хвала Гобою!), ушлый Распашонка прихватывает со стола текилу, не забыв и свой стакан (только сейчас замечаю, что стакан с подстаканником; небось в поезде спер!) и мы движемся к лифту.

Пятый этаж. Шестой.

Восьмой.

Ключ в руках гения никак не хочет попадать в замочную скважину. Менты скептически наблюдают за мучениями дебошира, и я вынужден прийти на помощь. Да, хоромы не царские. Обычный двухместный номер. На полу – батарея пустых бутылок из-под пива, в пепельнице – окурки. На кровати в углу дрыхнет майор Петров. Успев набраться до подвигов соавтора.

– Петров, спасай! – блажит Эльф. – Меня повязали! Дело шьют! Скажи им... Да проснись же, зараза!

С трудом открыв правый глаз, Петров пытается сфокусировать зрение. Люди в форме... любимый соавтор... свидетели...

– Попался, сука! – удовлетворенно констатирует бывший майор и переворачивается на другой бок.

Эльф воет, Петров спит, а мы с Распашонкой давимся в углу от смеха. Глядя на наш балаган, сержант хрюкает, закусывает губу и долго молчит, синяя. Потом обреченно машет рукой: «Что с них возьмешь, с *писателей!*» – и наряд покидает номер.

Тогда мы начинаем ржать в голос. Петров вновь открывает один глаз, на этот раз левый. Тяжелый, похмельный взгляд упирается мне в живот.

– И ты попался, сука, – трезво говорит он. – П-понял?

Киваю. Дескать, понял.

Текилу мы допили прямо здесь. При участии Петрова, молчаливого и скудного.

– Повезло Эльфу, – хвастался Распашонка. – Это я их... Если б не я...

Позже был обед, и за обедом мы добавили.

А ближе к четырем я доплелся до своего 241-го и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Надо поспать. Надо. До открытия еще далеко...

Х. Отрывок из поэмы «Иже с ними»

И в моем дому завелось такое...

М. Цветаева

Вначале было Слово. А тираж
Явился позже. Но – до Гуттенберга.
Ведь лозунг размножаться и плодиться
Был вывешен для всех. Для всех живых,
А значит, и для слов. Мой милый друг,
Вращенный на мейнстриме и портвейне,
Бунтарь кухонный, тот, который в шляпе,
С огнем во взгляде, с кукишем в кармане, —
Давай отделим зерна от плевел,
Козлиц от агнцев, быдло от эстетов,
Своих от несвоих, а тех и этих
Отделим от условно-посторонних,
Которым безусловно воспрещен
Вход в наш Эдем, где яблоки доступны
Любому, кто марал чело моралью,
Поскольку Зло с Добром есмь парадигма,
Влекущая лишь люмпен-маргиналов...
О чем бишь я?
Ах да, о тиражах.

XI. Отсебятина: «Лучший-из-людей»

Фантастика ныне входит в первую тройку наиболее издаваемых жанров. Порадуемся, уважаемые читатели! Порадуемся – и вспомним, что на наших просторах пишут и более-менее регулярно издаются, по оптимальным подсчетам, шесть десятков авторов-фантастов. Много?!

*По-моему, крайне мало – на столько-то миллионов читателей!
Итак, два взвода держат фронт – и держат его хорошо.*

Из послесловия к первому изданию «Имперцев»

- Сри минангкаб! Тысячекратно нюхая пыль из-под сандалий вашего превосходительства, о сри минангкаб доблестной Тугрии, осмелюсь высказать, трижды воззвав...
- Короче, пальцем деланный!
- Здесь еще один!
- Лазутчик?
- В недоумении молю Лобастую Форель просветить сущеглупого...
- Короче! Удавлю!
- Он голый, сри минангкаб!
- Голый? Странно... Ладно, тащите его к остальным.

Меня сноровисто вздернули на ноги и поволокли куда-то. Сизый с похмелья рассвет лился меж холмов, копясь в ложбине озерцами тумана, одуряюще пахли полевые вертухайчики, топорщились алые стручки дикого перечня, и в кустах лженосорожника стрекотали навзрыд влюбленные жухелицы. Было зябко, но не слишком. Носильщики сопели без особого дружелюбия, я для интереса согнул колени, мешком обвиснув в чужих руках, и вскоре поплатился за наглость, – резкий толчок, и Влад Снегирь, доверху набитый гениальностью, летит головой вперед, сшибая с ног мягкого, взвизгнувшего от боли невидимку.

– Цыц, вне утробы зачатые!..

Подо мной зашевелились. Вглядевшись, я обнаружил, что лежу голышом на милейшей девице, опрокинутой моим появлением на спину, и с удовольствием пялюсь в румяное личико. Внешность красотки слегка портил нос, длинноватый по отношению к мировым стандартам, но при прочих несомненных достоинствах, явственно ощутимых, нос даже придавал барышне некую пикантность, отчего спящий слегка восстал (если, конечно, вы понимаете, о чем я!).

– М-м-м, – дружелюбно сказал я. – Хмэ-э-э... А?

Твердая ладонь мазнула по холке. Тайный доброхот, спаситель прелестных мамзелей, явно пытался ухватить злодея за шиворот, в чем не преуспел за отсутствием последнего. Вторая попытка удалась лучше: вцепившись в плечи, меня сняли, оттащили и посадили в лужу – остывать. Через минуту девица также подошла ближе, но ложиться по новой и раскрывать объятия не спешила.

– Эти камнеглазые забрали вашу одежду? – спросила она, глядя мне прямо в лицо, ибо потупить взор девице мешала скромность. – Проклятые тугрики! Вы нуждаетесь в защите, добрый аскет?

Я тупо смотрел на Носатую Аю. Мой собственный персонаж собственной персоной (извиняюсь за отъявленную тавтологию!) сидел на корточках, пылая заботой о «добром аскете», – впрочем, «Рука Щита» донкихотствовала по отношению ко всем угнетенным, – плод воспаленной фантазии В. Снегиря с сочувствием моргал, роняя скупую девичью слезу, а мне хотелось провалиться сквозь землю. Или хотя бы заполучить штаны. О моя каморка в храме Кривой Тетушки! О мои портки с безрукавкой! О-о-о! Где вы сейчас? Тоскуете ли по вашему хозяину?!

Дангопея от Ла-Ланга в тыще километров...

– М-м-мы, – задумчиво булькнуло в горле. – Ках-х-х...

– Бут, он, наверное, немой! Или заика, как Мозгач! Бедняжка!

– Сама ты заика, – обиделся я. – Хочешь автограф?!

Знакомая ладонь ухватила мое ухо. Свернула в трубочку, дернула.

– Ай! Больно!

– Будешь оскорблять Аю, – Бут-Бутан, Куриный Лев, грозно вышел вперед, подбоченясь, – оторву напрочь. И заставлю съест. Не посмотрю, что аскет. Понял?

Что-то в его интонациях было от Петрова. Я начал размышлять, что именно, но почти сразу прекратил. Лишь сейчас стало ясно, отчетливо и однозначно, насколько смешно выглядит мой герой, пытаюсь кому-то угрожать. Пусть даже мне, неуклюжему демиургу, задумавшему и воплотившему это ходячее противоречие тела и духа, не говоря о более драчливых оппонентах. Тощий, взъерошенный, из рукавов торчат костлявые запястья; глубоко запавшие глаза пылают страстным огнем – так глядит фокстерьер Чапа, пес соседа с пятого этажа, самозабвенно облаивая ротвейлеров и стаффордширов.

Солдат в кожаной куртке шагнул из тумана:

– Пр-рекратить базар! Ишь, лазутчики...

Рядом чавкнуло. Со всхлипом, с душевным чмоканием трясины, заглатывающей жертву. Я и глазом моргнуть не успел, как массивный Петров, не ко сну будь помянут, образовался между нами и солдатом. Тугрик попятился, вскидывая копьё: зрелище было не для слабонервных. Петров, в чем мать родила, деловито огляделся, нимало не смущаясь похабным видом себя, любимого. Потянул носом, чихнул.

– Какой козел?.. – мрачно спросил отставной майор. После чего увидел меня, и во взгляде Петрова ясно отразилось: «А-а... вот какой...»

– Сри минангкаб! С тщанием вылизывая колесницу господина, имею возвестить, в недомыслии расстилаясь...

– Короче, наружу вывернутый!

– Здесь новый! Жирный...

– Тоже лазутчик?

– Столбенея и беленясь, умишком скорбным не в силах постичь...

– Короче! Загрызу!

Чмокнуло сбоку. Чавкнуло поодаль. Всхлипнуло ближе к его превосходительству. Булькнуло у костров дозорных, хлопнуло за спиной солдата. Ложбина стала напоминать финскую баню: нагишом, хихикая, вопя, трясая телесами и визжа от прохлады, вокруг начали возникать старые знакомые. Требовал немедленно добавить Распашонка. Эльф искал Петрова, алкая мести. Обживал укромный кустик страдалец Шекель-Рубель. Славка Неклюев тащил за руку спокойную, как крокодил, Березку, – Лидка, идол фэнтези-феминисток, в костюме Евы оказалась вполне съедобной! – чего-то требуя от Петрова. Майор отгавкивался.

– Снегирь, паскуда! – донеслось до меня. – Его работа!

– Какой круг?!

– Похоже, третий! Я думал, он с Гобоем договор подмахнул...

– Дрянь текст, – равнодушно заметила Березка, ловя мой восхищенный взгляд и поворачиваясь спиной для лучшего обзора. – Проходняк. Снегирь, ты в тираж вышел?

Ответить я не успел. От костров к нам бежали солдаты, размахивая оружием, сри минангкаб гнусаво блажил: «Взять этих! Которые!..», а ближайший вояка, тот самый велеречивый придурок, с перепугу ткнул в Березку копьем. Фыркнув, Лидка увернулась с прытью, несообразной для дамочки средних лет, образ жизни сидячий, любимый вид спорта – ориентирование по запаху. Второй раз ударить вояке помешали: Петров, отодвинув копье, пнул Лидкиного обидчика в «роковое место».

После чего набрал полную грудь воздуха.

– Мочи ментов! – огласил ложбину рык майора Сидорова, столь памятный младым уркам Куряжской колонии, славнейшей меж пенитенциарными учреждениями страны. Правда, в Куряже майор-воспитатель вряд ли призывал к таким противоправным действиям.

– Мочи!

– Душу выну!

– Сри минангкаб! Их много!..

– Сыны Тугрии! Плечом к...

– Их очень много!

– Мочи!

Чмокало. Чавкало. Булькало. Человек тридцать критиков, литераторов, фэнов, редакторов, художников-иллюстраторов и прочих воинственно настроенных полиграфистов сцепились с передовым дозором тугриков. Голые черти, неуменье искупавшие задором, а страх – убежденностью, что во сне ничего плохого случиться не может, они кидались на копья, сбивая врага с ног, колотя головой о камни, упоенно вгрызаясь в шеи и конечности. Танком пер майор Петров, животом прикрывая осатаневшую Березку, Неклюев являл миру чудеса жизнеспособности, забывший о поносе Шекель-Рубель вселял страх. Юркий Эльф вертелся в гуще событий, ужасный в пламенеющих очках, и даже я, поддавшись общему азарту, сунул кому-то в челюсть. Кажется, Петрову, но он не заметил. Дважды, сталкиваясь в суматохе с Лидкой, я слышал, как она язвительно бросала: «Творила!» Думаю, в данном контексте это было именем существительным и именовало совершенно конкретное существо. Но я не обижался, тем более что в хриплом голосе Березки крылся даже слабый намек на уважение. Битва кипела забытым на огне чайником, друзья-коллеги, погибшие от копий, вспыхивали бенгальскими огнями, расплескивая туман, искры катились по траве, трепетали в воздухе, «сыны Тугрии» пятились, взывая к Лобастой Форели, а вокруг чмокало, булькало, чавкало...

– Мужики! Лидку... эти гады Березку... Мочи!

– Мочи-и-и-и-и!!!

Ко мне прорвался Бут-Бутан. Лицо Куриного Льва пылало вдохновеньем пророка:

– Бей! Бей их! Макай! – Слегка перепутав боевой клич, малыш захлебывался восторгом. – Я знаю! Знаю, кто ты! Ты – Лучший-из-Людей! Его дух! Я... мы будем такими, как ты! Тобой! Целым! Мы... Аю, гордись, – он упал на тебя!..

Красный от смущения и куража, я смотрел вослед бегущим тугрикам.

Чуя приход «пшика».

ХII. Открытие, плавно переходящее в бар и бред

Прочь интеллектуальные эксперименты, прочь нытье и копание в душах! Они серьезные ребята, не уважающие дилетантизм. Они пришли с кованным железом в руках, черными поясами, университетскими дипломами и уверенностью в том, что прекрасно знают историю. Хорошим тоном считается с презрением относиться к собственной продукции и посмеиваться над массовым читателем.

Новые времена – новые игры.

Из статьи в «Литературном клозете», № 6, стр. 12

У дверей конференц-зала меня поджидал Петров, грандиозней Колизея и душевней утопления комдива Чапаева. Екнуло сердце: похоже, будь его воля и найдись в пансионате карцер...

– Ты чего творишь, пернатый? Охренел?!

– А чего я творю?

– Горбатого лепишь?! Ладно, пошли в зал. После открытия забиваем стрелку здесь, у входа. И не вздумай слинять! Понял?!

Вот это «понял» меня достало.

– Слушай, у тебя бодун, да?! Злой как собака, на людей бросаешься...

– Добро б на людей. А то на всяких страусов...

Последняя реплика прозвучала чуть более миролюбиво. Ничего, пока открытие, туда-сюда – перебесится.

Начало традиционно затягивалось. По рядам гуляли бутылки пива и фляги с коньяком; стайка «молодых писателей», сверкая лысынами, лениво бродила по залу; время от времени недорезанным поросенком визжал микрофон, сопротивляясь насилию звукооператора. Наконец на сцене объявился оргкомитет во главе с Робертом Саркисовым: все в костюмах, при галстуках, один лишь Робби – в цветастой гавайке навыпуск и джинсах. Молодцом! Прямо сердце радуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.